

1. СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКОЗНАНИЮ КАК НАУКЕ

Исторический подход к теории науки означает, что нельзя отбрасывать ничего из прежних достижений, всему нужно дать определенное место и современное толкование. Многие мысли, представлявшие забытыми и устаревшими, оказываются весьма полезными и необходимыми для развития современной теории. Вместе с тем нередко случается и так, что ряд идей и проблем, на первый взгляд совершенно новых, уже был фундаментально разработан ранее. Исторический подход убеждает в том, что для развития языкознания, как и для всякой другой области научного знания, характерна непрерывность. Каждая вновь возникающая научная концепция, школа, направление, научная традиция, формируется как результат творческого исследования нового фактического материала и критической переоценки и переосмысления прежних достижений. Каждое данное состояние в развитии научных знаний есть лишь фаза поступательного движения науки в целом и лингвистической науки в частности. В образующейся научной непрерывности те или иные научные идеи, школы и течения не представляют собой обособленного явления. Уходя своими корнями в более древние традиции, они часто переплетаются с другими современными им идеями, школами и течениями и, синтезируя в себе разные достижения, дают жизнь новым традициям. Так, почти во всех современных концепциях науки о языке мы находим отчетливые следы влияния идей авторов прошлых веков. Эти идеи и формируемые на их основе научные концепции и теоретические построения не всегда бывают удачными. В прогрессивном движении науки они сменяются другими. Важно, однако, то, что на каждом историческом этапе эти концепции показывают степень постижения языка как объекта наблюдения и предмета исследования и степень своей зависимости от общего уровня знаний. Научные теории, сменяя друг друга, не отменяют одна другую. Ценное «старое» становится достоянием науки, получает новое осмысление и истолкование в новых теориях и гипотезах. Научно же несостоятельное отсеивается.

2. ПОНЯТИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

История языкознания, как и история любой другой науки, в соответствии со своими задачами оперирует особыми единицами описания. Эти единицы описания есть научные теории, т. е. комплексы понятий, в которых обнаруживается определенная системность, обусловленная исходными посылками и логикой развития теоретического знания. *Научная школа* – это научная теория или совокупность научных теорий, обладающих определенной содержательной близостью. Новая наука (наука в современном ее понимании) родилась в Европе. Лингвистика как научное образование также возникла в Европе. Но международный, глобальный характер науки, как таковой, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует говорить не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных школах, имеющих мировое значение. Понятие научной школы надо отличать и от понятия школы в Античности (школы философии), и от понятия школы как системы обучения. Античные школы (философии и грамматики) создавали сочинения, в которых излагались основы правильной речи. Эти же сочинения использовались для обучения и нормирования языка. С созданием науки о языке школьная грамматика как учебные предмет отделяется от научной лингвистики. Школьная грамматика служит практике обучения языку и практике нормирования речи, научные же сочинения не имеют непосредственного отношения к обучению, но влияют на школьную грамматику, внося в нее те или иные уточнения и изменения. Наука создает новые, более высокий уровень понятий. Понятие лингвистической школы может быть рассмотрено с 2 точек зрения: с точки зрения описания языковых систем (внутреннее рассмотрение) и с точки зрения соответствия этих описаний общественно-языковой практике (внешнее рассмотрение). Исследуя то, как научные школы описывают языковые системы, можно установить не только характер той или иной школы, но и причины ее появления. Дело в том, что разновидность модели, как правило, связана с методом моделирования. При внешнем рассмотрении невозможно понять причин возникновения той или иной лингвистической (научной) школы. Общественно-языковая практика представляет собой сочетание материала языка и правил обращения с ним. Этот спектр возможностей реализуется в правилах, данных различными нормативными моделями общественно-языковой практики. В соответствии с этим можно наметить следующие этапы в истории языкознания, которые дадут общую картину периодизации развития лингвистического мышления.

- *теория именованья в античной философии языка*, устанавливающая правила именования и возникающая в рамках философской систематики. Теория именования не содержит специализированного знания о языке, поэтому она не входит в корпус языкознания, но ее рассмотрение важно для понимания становления предмета языкознания и ряда особенностей его развития, прослеживаемых историей языкознания;
- *античные грамматические традиции*, представленные античными и средневековыми грамматиками Запада и Востока. На данном этапе возникает грамматическая теория, дающая систематику языка прежде всего через установление лингвистических отношений между именами (и отчасти другими единицами языка) и формулирующая правила обращения с языком;
- *универсальная грамматика*, вскрывающая общность систем языков и открывающая собой языкознание Нового времени (первый этап научного языкознания);
- *сравнительное языкознание*, которое включает в себя 3 области: *сравнительно-историческое языкознание*, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; *сравнительно-типологическое языкознание*, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; *теоретическое языкознание*, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языкознания, занимающееся общелингвистической систематикой на базе описательных и сравнительных исследований;
- *системное языкознание*, формулирующее в своем разделе философии языка концепции психолингвистики и социоллингвистики;
- *структурная лингвистика*, которая: исследует внутреннюю организацию языка, устанавливает отношения между языком и другими знаковыми системами; формулирует теорию лингвистических методов и методик, дает основания для лингвистического моделирования.

Описание истории языкознания под углом зрения того, как картина языка, данная лингвистикой, отражает эмпирический материал и культурное состояние общества, по необходимости должно строиться с опорой на такие категории, как: *этап в развитии науки, научное направление, научное течение, научная школа, научная система* и т. д., которые являются отражением основных ступеней поступательного движения лингвистической науки.

3. ВАЖНЕЙШИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке, принято называть *лингвистическими традициями*.

Теснейшим образом это понятие связывается с конкретной разновидностью нормирования языков, с национальным характером развития лингвистических исследований в разных культурных ареалах. В истории цивилизации были созданы 3 важнейшие традиции – китайская, индийская и греко-латинская (средиземноморская). Они возникают примерно в одно время. *Китайская* грамматическая традиция формируется на основе иероглифической письменности. Поэтому впервые грамматические сочинения в Китае формулируют отдельно правила создания знаков письменной речи – иероглифов и правила чтения (произнесения) иероглифов, т.е. правила порождения письменной речи и правила порождения устной речи. Это объясняется тем, что в основу иероглифики положено представление о целом слого, а целый слог в китайском языке соотнесен с мельчайшим элементом смысла, поэтому иероглиф записывает слово через смысл. Композиция знаков для записи смысла слов может не зависеть от композиции знаков для записи звучащей речи. Однако определенная связь между записью смысла и записью звучания в китайской иероглифике все же существует. *Индийская* и *греко-латинская* грамматические традиции могут быть представлены в виде 2 ветвей более широкой традиции, которая строится на базе письменности, где в основании лежит звуко-буквенный алфавит. Базу звуко-буквенного алфавита составляет представление о звуке речи вне зависимости от его смысла. В этой традиции невозможно формировать правила порождения графических знаков в отрыве от правил порождения звуков. Именно поэтому в данной традиции соотнесение звука и графического знака таково, что звуки и графические знаки в ней рассматриваются как некая единая сущность. При этом могут иметь место 2 способа рассмотрения. Один заключается в том, что за основу нормирования берется графический знак, посредством которого формулируется правильное произношение. При другом способе за основу берется звучание, исходя из которого формируется правильный графический знак. Там, где движение идет от графического знака к звучанию, мы имеем дело с *индийской* традицией. Индийская традиция формулирует прежде всего систему графических знаков. Эта система далее рассматривается в правилах их комбинаций, и все это служит для того, чтобы обеспечить правильное «озвучивание» письменных (канонических) текстов. В *греко-латинской* традиции античного Средиземноморья, отличающейся многообразием как алфавитов, развившихся, по-видимому, из общего источника, так и культурных языков, проблема должна была ставиться совершенно иначе. Здесь важно движение от звучания к графическому знаку, т.е. сначала необходимо было установить, какие правила изменения и создания новых слов имеют место в плане звучания, а затем соотнести их с правилами порождения графических знаков. 3 описанные традиции, по-видимому, исчерпывают возможности самой проблемы формирования общих правил письменного языка. Если звук и смысл при создании письменного языка не соотнесены друг с другом, то можно изложить их отдельно, как это и сделали китайцы. Если они соединены (звуко-буквенное письмо), то можно двигаться либо от знака к звуку (санскритская грамматика Пáнини), либо от звука к письменному знаку (александрийская грамматика древнегреческого языка). Новая наука (наука в современном ее понимании) родилась в Европе. Лингвистика как научное образование также возникла в Европе. Но международный, глобальный характер науки, как таковой, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует говорить не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных традициях, направлениях, школах, имеющих мировое значение, делает ее способ рассуждений и исследования мировым достоянием. Поэтому применительно к лингвистике следует говорить не столько о национальных грамматических традициях, сколько о научных традициях, направлениях, школах, имеющих мировое значение.

4. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ)

Понятия *этапа* истории языкознания может быть рассмотрено с 2 точек зрения: с точки зрения описания языковых систем (*внутреннее рассмотрение*) и с точки зрения соответствия этих описаний общественно-языковой практике (*внешнее рассмотрение*). Исследуя, например, то, как научные школы описывают языковые системы, можно установить не только характер той или иной школы, но и причины ее появления. Дело в том, что разновидность модели, как правило, связана с методом моделирования, предложенным в философии или в смежной позитивной науке либо в смежной науке и в философии одновременно. Это утверждение полностью справедливо в отношении собственно лингвистической науки, так как она сама по себе есть модель общей теории языка. При внешнем рассмотрении истории языкознания можно объяснить причины появления того или иного этапа, но невозможно понять причин возникновения той или иной лингвистической (научной) школы. При внешнем рассмотрении важно соответствие общественно-языковой практики и теории языка. Общественно-языковая практика представляет собой сочетание материала языка и правил обращения с ним. Материал языка дает определенный спектр возможностей для обращения с ним. Этот спектр возможностей реализуется в правилах, данных различными нормативными моделями общественно-языковой практики. Так, например, унификация графем при книгопечатании делает ненужной систему каллиграфии, но зато предъявляет требования к орфоэпической унификации языка и т. д. Научные теории зависят от самого языкового материала. Поэтому деление лингвистики на этапы в соответствии с развитием знания опирается на конкретные отношения общественно-языковой практики и теории языка. История языкознания показывает, что картина языка, моделируемая лингвистикой, может создаваться исходя из разных отправных положений, разного эмпирического материала и может иметь разные сферы использования. В зависимости от этого будет меняться тип изображения языка, т.е. *тип языковой теории*. Появление новых типов языковой теории знаменует образование новых этапов в развитии науки и отмечает появление новых частных предметов исследования языка внутри лингвистики. В соответствии с этим можно наметить следующие этапы в истории языкознания, которые дадут общую картину периодизации развития лингвистического мышления:

- *теория именования в античной философии языка*, устанавливающая правила именования и возникающая в рамках философской систематики. Теория именования не содержит специализированного знания о языке, поэтому она не входит в корпус языкознания, но ее рассмотрение важно для понимания становления предмета языкознания и ряда особенностей его развития, прослеживаемых историей языкознания;
- *античные грамматические традиции*, представленные античными и средневековыми грамматиками Запада и Востока. На данном этапе возникает грамматическая теория, дающая систематику языка прежде всего через установление лингвистических отношений между именами (и отчасти другими единицами языка) и формулирующая правила обращения с языком;
- *универсальная грамматика*, вскрывающая общность систем языков и открывающая собой языкознание Нового времени (первый этап научного языкознания);
- *сравнительное языкознание*, которое включает в себя 3 области: *сравнительно-историческое языкознание*, занимающееся исследованием генетических языковых общностей; *сравнительно-типологическое языкознание*, занимающееся изучением типов языковой структуры независимо от культурно-исторической принадлежности языков; *теоретическое языкознание*, формирующее философию языка внутри лингвистики и дающее начало теории общего языкознания, занимающееся общелингвистической систематикой на базе описательных и сравнительных исследований;
- *системное языкознание*, формулирующее в своем разделе философии языка концепции психолингвистики и социолингвистики;
- *структурная лингвистика*, которая: исследует внутреннюю организацию языка, устанавливает отношения между языком и другими знаковыми системами; формулирует теорию лингвистических методов и методик, дает основания для лингвистического моделирования.

Описание истории языкознания под углом зрения того, как картина языка, данная лингвистикой, отражает эмпирический материал и культурное состояние общества, по необходимости должно строиться с опорой на такие категории, как: *этап в развитии науки, научное направление, научное течение, научная школа, научная система* и т. д., которые являются отражением основных ступеней поступательного движения лингвистической науки.

5. ТРАКТОВКА ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ В XIX ВЕКЕ

Наряду с конкретными сравнительно-историческими исследованиями, по преимуществу индоевропейских языков, шло философское осмысление онтологии языка. Это движение связано с именами таких видных исследователей, как, например, *Вильгельм фон Гумбольдт*, *Август Шлейхер*, *Хайман Штейнталь*, *Александр Афанасьевич Потебня*. Их усилия были направлены на создание общей теории языка, прежде всего на уяснение природы языка и его отношения к мышлению, а также на разработку основных принципов эволюционной теории языка. Особое место в этом ряду принадлежит Гумбольдту. Лингвистическая концепция Гумбольдта знаменует собой качественно новый этап в истории развития исследовательской мысли. Владея в совершенстве, как, пожалуй, никто другой до него или после него, всем известным в его время эмпирическим материалом, касающимся многочисленных языков и культур, Гумбольдт смог впервые в истории развития знаний о языке построить достаточно стройную и цельную лингвистическую систему, отражающую внутреннее строение языка, его связи с умственной и духовной жизнью народа, его культурой, указать будущим поколениям ученых основные пути научного мышления и проникновения в бесконечно сложные механизмы языковой, интеллектуально-духовной и культурно-исторической деятельности человека. Теоретические установки Гумбольдта близки идеям немецкой классической философии. Интерес Гумбольдта к вопросам философии искусства особенно сближает его с *Фридрихом Вильгельмом Йозефом Шеллингом*. От немецкой классической философии Гумбольдт воспринял положение о том, что искусство и наука знаменуют собой последовательные стадии в развитии духовной культуры. Это положение проходит по всем работам Гумбольдта. Как языковед и ученый, стремившийся не отрываться от фактов исследуемой языковой действительности, Гумбольдт ясно понимал, что искусство и наука – это прежде всего виды человеческой деятельности и что они обретают свою реальность через посредство языка – этой специфически человеческой деятельности. Исходя из этого Гумбольдт и заложил основы теории языка как произведения развивающейся человеческой духовной силы и как явления человеческого общества, а также теории искусства и науки как явлений человеческого сознания, развивающихся в языке и через язык. Языкознание не осталось в стороне от того философского и историко-литературного движения, которое известно под названием *романтизм*, захватившего все основные области культурной жизни Европы последней четверти XVIII в. и первых десятилетий XIX в. Романтизм проявляет большой интерес к исследованию сущности и функциональных особенностей знака, разнообразных знаковых систем и их взаимосвязей. Под этим углом зрения исследуется, в частности, символика в языке, поэзии, мифологии, искусстве. Со временем успехи естествознания оказывают все возрастающее влияние на развитие других наук и формирование в их недрах новых концепций. Под влиянием успехов естественных наук в языкознании в 1850 – 1860 гг. формируется так называемое *натуралистическое направление*. Самым ярким теоретиком этого направления выступил один из виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания Шлейхер, широко известный своими фундаментальными работами в области сравнительной грамматики индоевропейских языков. К 1860^м гг. интерес к учению об идеальном, абсолютном сознании, столь свойственный предыдущим научным построениям, сменился интересом исследователей к индивидуально-психологическому механизму духовной жизни. Поэтому объектом их теоретических построений выступает уже не «всеобщий», а «индивидуальный дух», механизм психической деятельности индивида. В этот период закладываются основы индивидуальной психологии. Индивидуально-психологические воззрения на язык широко проникают в языкознание. В языкознании формируется *психологическое направление*. Сторонники данного подхода заявили, что в основу языкового анализа должно лечь наблюдение над психическими процессами, протекающими в сознании говорящего индивида. В теоретических построениях это требование нередко выливалось в подмену языкового анализа психологическим анализом. Постепенно эти крайние проявления были преодолены, но психологизм в том или ином виде, в большей или меньшей степени был свойствен многим крупным языковедам вплоть до конца XIX в. Психологизм как научное мировоззрение неотъемлемо от концепции таких ученых, как Штейнталь, Бодуэн де Куртенэ, Потебня. Потебня между тем, стремясь критически осмыслить положения Гумбольдта, поставил перед собой задачу проследить механизм взаимодействия языка и мышления, а также процесс объективирования индивидуальных психических процессов через посредство коллективной речи и мысли, результатом чего у него выступают искусство, а затем наука как последовательные формы человеческого познания. Идя по этому пути, он создает оригинальную теорию соотношения языка и мышления, теорию внутренней формы в языке, теорию поэзии и прозы, искусства и науки. Под влиянием психологических воззрений складывалось позже и знаменитое *младограмматическое направление* в языкознании, которое выступило с решительной критикой натурализма в собственно языковедческой работе

6. РЕЛИГИОЗНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА СЛОВО КАК ОСНОВУ БЫТИЯ

Античная философия в теории именовании дает краткую систематизацию правил построения языка, созданных еще в мифологии. Теория именовании – одна из самых важных частей в античной философии. При этом следует отметить, что в любой культурной традиции (китайской, индийской или греко-латинской) теория именовании в принципе одна и та же как по своему назначению, так и по своим результатам. Если грамматическое искусство в разных традициях сильно различается, то смысл теории именовании, напротив, однороден. Можно думать, что единство теории именовании в какой-то мере вызвано структурным сходством разных мифологий. Общий смысл теории именовании – «орудийность» имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Конфуций кратко формулирует этот принцип так: *«Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть сделано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело сделается»*. Слово речь в современных языках обозначает процесс говорения, но в Античности процесс говорения был связан прямой ассоциацией, во-первых, с процессом абстрактного суждения, во-вторых, с фактом поведения, и, что самое главное, речь обнаруживала намерение совершить действие или указывала прямо на переход к действию. *Речь* всегда есть что-то, что имеет несколько принудительный для слушающего и абстрактно-мыслительный для говорящего смысл. Вот почему слова *имя* и *речь* не могут произноситься произвольно, так как они всегда вызывают к жизни то или иное действие или отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям. Словесная магия, свойственная мифологическому мышлению, облакает эти слова смыслом активного действующего начала (начало Евангелия от Иоанна: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»*, где *Слово* лежит в основе становления мира как целого). Исходя из этого, смысл слова *дело* есть прежде всего само действие с реальным или воображенным предметом. Это действие всегда имеет тот или иной результат, некоторое становление чего-то или всего сущего. Это ставшее сущее может касаться всего: ремесел, сакральной деятельности, административной деятельности, деятельности познавательной, отношения людей к природе и между собой. Отсюда видно, что слово есть ведущее начало, образующее разумное вообще: и в смысле мирового разума («всемирного ума», или логоса), и в смысле разумности отдельного человека. Разумность человека, рожденная от слова, постигающего мир и объясняющего этот мир человеку, позволяет приобрести разного рода познания по хозяйству и технике, по космогонии и астрологии, по землеведению, сакральному поведению и этике. Эти познания лежат в основе деятельности людей, образуют из людей общество, т.е. общность людей, связанных между собой отношениями родства и социальной иерархии, с одной стороны, и производственных процессов – с другой. Вот почему слово, будучи всеобъединяющим началом, требует к себе особенно внимательного отношения. Слово нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе. Поэтому слово (имя и речь) должно быть верным по существу и исходить из принципа, именуемого по-китайски *«ли»*. *Ли* означает любое правило; правила поведения, этикета, церемониала, а также всякое правильное и разумное начало в любой конкретной деятельности. Исполнение *ли* означает верное поведение, правильность поступков и справедливость решений. Само *ли* является воплощением справедливости и правильности, т.е. человеческого совершенства. Общие черты конфуцианской философии имен являются общими и для древнеиндийской и греческой философии, которые в иных терминах, но примерно с тем же смыслом устанавливали миротворческую роль слова в гносеологии, этике и производстве, т.е. в равной мере придерживались идеи логоса. Проблема правильности имен становится одной из ведущих и в средневековой философии, где она занимает пограничное положение между средневековой гносеологией и грамматикой и является фундаментом, на основании которого вырабатываются принципы грамматического описания.

7. ХАРАКТЕРИСТИКА ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ. ПРИЧИНЫ ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Предыстория индийской античной грамматики существенно отличается от китайской в связи с иной графикой и иной культурной традицией. Индийская письменность, будучи фонетической и звуко-буквенной, отличается от средиземноморских письменностей тем, что отмечает слоги и границы слов. С самого начала создатели алфавита предусмотрели фонетическое членение письменной речи на гласные и согласные. Гласные и согласные стали писаться в разных строках. Согласные пишутся в основном ряду графем, а знаки гласных добавляются в виде надписных и подписных знаков. Тем самым в графике отмечаются семантическая важность согласных и дополнительный характер (с точки зрения этой важности) гласных (индийская система графики помимо пробелов в строке допускает еще одно средство графического членения речи – лигатуры). Поскольку согласные знаки сочетаются со знаками гласных не в одной строке, а по вертикали, возникает как бы перемножение всех знаков гласных на все знаки согласных, тем самым вертикальное членение письменной речи по буквам – всегда слог (реальный или потенциальный). По этой причине индийскую графику называют иногда *слоговым письмом*. Таким образом, в индийском письме гласные и согласные – всегда не только 2 фонетические парадигмы, но и 2 графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Отсюда на каждой из линий (основной и дополнительных) можно видеть свои синтагмы графем и звуков: синтагмы согласных и синтагмы гласных. Порядок алфавита согласных отражает различие звуков по способу и месту образования, а каждая буква в порядке алфавита читается с общим гласным. Поэтому индийская алфавитная традиция с самого начала обнаруживает, что «линия» речи фонетически делится на слоги и графически – на синтагмы и парадигмы графем, отражающих синтагмы и парадигмы фонем в системе языка. Такая структура индийского письма делала чрезвычайно удобными представление орфоэпических правил и лингвистический анализ. Индийская культурная языковая традиция отличается еще одной чертой. В ней ясно разделены 2 независимые линии: линия собственно ведической традиции, или санскрита, и линия разных отклонений от Вед, каждой из которых соответствует особая разновидность литературного языка – литературный пракрит. Так, для ведической традиции языком является санскрит, для буддийской – язык пали. Ведическая традиция сохраняет в себе все мифологические представления индийцев, канонизирует их, сводит в систему и на этой основе устраивает правовые, имущественные и этические нормативы. Поскольку текст сакрализован, понятие о правильности текста в ведической традиции может употребляться почти как синоним понятия сакральности текста. На этой основе развивается индийская грамматическая традиция. Грамматическая традиция индийцев весьма богата. Началом этой традиции считается грамматический трактат, созданный Панини. План содержания санскрита, по мысли древних индийцев, должен был быть определен каноническими сочинениями о разных видах деятельности – сакральной, практической, юридической и т. д. Совокупность таких текстов исчерпывающим образом определяет правильное поведение члена общества, позволяет ему найти свое место в мире и «упорядочить себя». Лингвистический трактат Панини, таким образом, органически входит в культуру Индии и является ее важнейшим этическим элементом. Логические трактаты индийцев в отличие от трактатов греков отделены от лингвистического канона. Силлогистика у индийцев не получила такого развития, как у греков. Философская интерпретация познавательных функций языка по большей части сводится к интерпретациям отношений предложения и слова. Этимологические проблемы, так же как и вопросы происхождения языка, не занимают заметного места в индийской традиции. Традиция индийской логики интересна прежде всего тем, что она исследует все возможные правильные суждения, составленные из одних и тех же понятий. Такой способ анализа правильности суждений напоминает исчисление всех трансформаций одного суждения, при котором любое суждение эквивалентно другому с точки зрения логического содержания. Соответственно этому взгляду определяется и природа слова. С точки зрения индийского философа *Бхартихари*, слово не есть физическая реальность (поскольку слово участвует в разных предложениях и обуславливает тождество их логического содержания), а есть особая «духовная» сущность. Слово есть некоторый абстрактный инвариант, который тождествен сам себе в разных своих физических реализациях. Таким образом, индийская культура вырабатывает наиболее строгий лингвистический подход к языку. Ей свойственно ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности. Эти особенности индийской традиции сочетаются с имплицитно заключенной в них идеей ограниченности текстов в правильном языке.

8. КЛАССИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Развитая наука о языке появилась примерно в середине I тысячелетия до н. э. в Древней Индии. К тому времени там уже существовала богатая культура, были созданы и записаны великие поэтические произведения, прежде всего Веды, и, что самое важное, сформировался особый язык культуры – санскрит. На санскрите говорили только в торжественных случаях: во время религиозных обрядов и официальных церемоний. Язык этот был в основном устным. Письменность не играла в индийской культуре большой роли: считалось, что истинное значение передается только изустно – от учителя к ученику. Очень важно было правильно говорить на санскрите, а чтобы научиться этому, требовалось знать, как он устроен. Вскоре после возникновения индийской науки о языке появился труд, ставший ее вершиной. Это знаменитая грамматика санскрита – «*Аштадхьяи*» («*Восьмикнижие*»), - составленная *Панини*. Об этом человеке мы не знаем ничего, кроме имени. Точно даже не известно, когда он жил: датировки ученых расходятся на несколько веков. Скорее всего Панини создал свой труд примерно в V или IV в. до н. э. Ничего не известно и о его жизни. Единственное, о чем ученые предполагают с достаточно большой достоверностью, - это то, что великий языковед не знал грамоты. Панини сочинил свою грамматику в устной форме, и она передавалась из поколения в поколение, заучиваемая наизусть. Правда, через несколько веков грамматику записали, но и теперь в Индии можно встретить знатоков, хранящих в памяти весь ее текст. Устный характер грамматики обусловил ее строение. Стихи запоминаются легче, чем проза. Поэтому грамматика Панини состоит из коротких стихотворных кусочков – *сутр*, в которых спрессован гигантский объем информации. В сутре содержится одно или несколько правил типа «*возьми то-то, сделай над ним такую-то операцию и получишь то-то*». Такой подход более привычен в математике, чем в грамматике. «На входе» имеется набор исходных единиц – корней; если в определенном, жестко заданном порядке применить те или иные правила, из корней получаются слова, из слов – словосочетания и предложения. «На выходе» оказывается правильно построенный текст. Приложением к основной части грамматики служат сутры с описанием санскритской фонетики. Панини создал почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всем мире по крайней мере до XX в., а в некоторых отношениях непревзойден и до сих пор. Сам способ описания языка через правила построения (или, как говорят в современной науке, порождения) текстов не применялся в науке о языке до самого последнего времени. Панини описывал язык как бы с точки зрения говорящего; в европейской традиции действовали совсем иначе. И лишь в середине XX в. этот способ снова открыли независимо от Панини. В дальнейшем индийская традиция развивалась по нисходящей: сочиняли комментарии к Панини, затем комментарии к комментариям и т. д. Постепенно индийская наука о языке оказалась в застое. Сейчас в Индии сосуществуют традиционная и европейская наука.

9. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Грамматическое искусство Античности формулирует свои задачи довольно неопределенным образом. В этих формулировках отражается недостаточная определенность предмета грамматики. Индийские филологи считают, что грамматика должна обеспечить:

- сохранение ритуального языка в его традиционной форме;
- способность образовывать формы слова от других слов;
- приобретение знания;
- краткость описания;
- ясность описания.

Таким образом, индийская грамматика ставит задачу нормирования речи, образования правильной литературной речи. Столь большое различие в определении грамматики осознается лишь в наше время. В Античности под грамматикой понимали общий предмет, где филологическое знание текстов сливается с обучением правильной литературной речи. Поэтому формулировки грамматического искусства выглядят противоречивыми лишь с точки зрения нашего времени. Описывая предмет грамматики, возникшей в Античности, важно увидеть в нем то, что составляет его научно-лингвистическую сторону, развившуюся впоследствии в научную систему лингвистики.

10. «ГРАММАТИКА» ПАНИНИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ (ОБЩИЕ ЧЕРТЫ)

Развитая наука о языке появилась примерно в середине I тысячелетия до н. э. в Древней Индии. К тому времени там уже существовала богатая культура, были созданы и записаны великие поэтические произведения, прежде всего Веды, и, что самое важное, сформировался особый язык культуры – санскрит. На санскрите говорили только в торжественных случаях: во время религиозных обрядов и официальных церемоний. Язык этот был в основном устным. Письменность не играла в индийской культуре большой роли: считалось, что истинное значение передается только изустно – от учителя к ученику. Очень важно было правильно говорить на санскрите, а чтобы научиться этому, требовалось знать, как он устроен. Вскоре после возникновения индийской науки о языке появился труд, ставший ее вершиной. Это знаменитая грамматика санскрита – «*Аштадхьяи*» («*Восьмикнижие*»), – составленная *Панини*. Об этом человеке мы не знаем ничего, кроме имени. Точно даже не известно, когда он жил: датировки ученых расходятся на несколько веков. Скорее всего Панини создал свой труд примерно в V или IV в. до н. э. Ничего не известно и о его жизни. Единственное, о чем ученые предполагают с достаточно большой достоверностью, – это то, что великий языковед не знал грамоты. Панини сочинил свою грамматику в устной форме, и она передавалась из поколения в поколение, заучиваемая наизусть. Правда, через несколько веков грамматику записали, но и теперь в Индии можно встретить знатоков, хранящих в памяти весь ее текст. Устный характер грамматики обусловил ее строение. Стихи запоминаются легче, чем проза. Поэтому грамматика Панини состоит из коротких стихотворных кусочков – *сутр*, в которых спрессован гигантский объем информации. В сутре содержится одно или несколько правил типа «*возьми то-то, сделай над ним такую-то операцию и получишь то-то*». Такой подход более привычен в математике, чем в грамматике. «На входе» имеется набор исходных единиц – корней; если в определенном, жестко заданном порядке применить те или иные правила, из корней получаются слова, из слов – словосочетания и предложения. «На выходе» оказывается правильно построенный текст. Приложением к основной части грамматики служат сутры с описанием санскритской фонетики. Панини создал почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всем мире по крайней мере до XX в., а в некоторых отношениях непревзойден и до сих пор. Сам способ описания языка через правила построения (или, как говорят в современной науке, порождения) текстов не применялся в науке о языке до самого последнего времени. Панини описывал язык как бы с точки зрения говорящего; в европейской традиции действовали совсем иначе. И лишь в середине XX в. этот способ снова открыли независимо от Панини. В дальнейшем индийская традиция развивалась по нисходящей: сочиняли комментарии к Панини, затем комментарии к комментариям и т. д. Постепенно индийская наука о языке оказалась в застое. Сейчас в Индии сосуществуют традиционная и европейская наука.

11. СТРУКТУРА «ГРАММАТИКИ» ПАНИНИ В ОТЛИЧИЕ ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Всемирно известная грамматика Панини состоит из 8 книг и называется «*AṣṬADHŪYĀYI*», т. е. «*Восьмикнижие*». Она содержит около 4000 правил-сутр. Грамматику заучивали наизусть и передавали из уст в уста как ценнейшее руководство по пользованию священным языком – санскритом. Согласно легенде, Панини молил богов открыть ему принцип систематизации и описания труднейшего языка. Бог Шива услышал молитву. Он явился Панини и даровал ему систему Шива-сутр (названных по имени дарителя). Шива-сутры – это 14 классов звуков санскрита. Каждый класс содержит определенные звуки и показатель конца класса – *anubandha* (буква в скобках). При перечне звуков этот показатель конца класса не учитывается. Порядок расположения звуков в сутрах и порядок самих сутр в таблице нельзя изменять. Принцип устройства таблицы можно понять из следующего сравнения: когда мы хотим назвать группы 1, 2, 3, 4, 5, мы говорим: «С 1 по 5 включительно». Слово «включительно» имеет значение показателя конца класса – *anubandha* в нашей таблице. Эта таблица является ключом к грамматике Панини. Попробуем разобраться, как ею пользуются при описании языка. Во-первых, звуки в Шива-сутрах сгруппированы в зависимости от их фонетической природы и поведения в структуре языка. Например, фонетический класс сутры 4 содержит двойные звуки (дифтонги), а сутры 7 – носовые согласные. Во-вторых, таблица позволяет кратко сформулировать правила. Как уже было сказано, текст грамматики заучивали наизусть, поэтому максимальная краткость изложения являлась основным принципом древнеиндийских грамматиков. Панини разработал особый прием краткого описания языка – технику пратьяхар (в буквальном переводе – «стяжение», «сжатие»), которая давала возможность кратко формулировать языковые законы. Согласно Панини, *пратьяхара* – это «начало вместе с концом, который есть показатель», т. е. начало и конец фонетического класса. Например, пратьяхара (aC) обозначает все гласные санскрита (находим в таблице звук [a], расположенный в сутре 1 и конечный показатель [C], расположенный в конце сутры 4; все звуки, расположенные между ними: a, i, u, r, l, e, o, ai, au (C), символизируются пратьяхарой (aC). А пратьяхара (haL) символизирует все согласные звуки: находим в таблице звук [h] в сутре 5 и конечный показатель (L) в конце класса 14. Все звуки между ними есть согласные. Крупнейшим достижением индийской традиции по праву считается фонетическое исследование звуков речи и их классификация. Звуки характеризуются по месту и способу образования, по характеру резонатора, причем гласные и согласные описаны в одной системе признаков. Другим бесспорным достижением индийской традиции является открытие морфемы. В европейских грамматиках язык описывали, начиная с изложения общих грамматических категорий (например, частей речи), затем рассматривали словоизменительные категории частей речи (например, число и падеж существительных и т. д.), т. е. описывали язык от высшего уровня к низшему. Панини, наоборот, начал с фонетики: взяв за исходную точку отсчета звук, он строил морфему, затем – слово. Согласно Панини, слово – это «то, что кончается либо на именные аффиксы, либо на глагольные». Панини старался доказывать принадлежность слова к какой-либо части речи, исходя из его морфологического состава. Рассматривая язык как стройную систему, Панини заметил, что цепочка морфем может быть неполной, и ввел понятие «нулевой морфемы» (*лора* – исчезновение). Европейская лингвистика заговорила о нулевой морфеме лишь в XIX в. «*Восьмикнижие*» Панини до сих пор считается непревзойденным образцом описания языка. Как отмечал известный американский лингвист Леонард Блумфилд, «грамматика Панини является одним из величайших памятников

12. ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ИСТОЧНИК ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ

Предыстория индийской античной грамматики существенно отличается от китайской в связи с иной графикой и иной культурной традицией. Индийская письменность, будучи фонетической и звуко-буквенной, отличается от средиземноморских письменностей тем, что отмечает слоги и границы слов. С самого начала создатели алфавита предусмотрели фонетическое членение письменной речи на гласные и согласные. Гласные и согласные стали писаться в разных строках. Согласные пишутся в основном ряду графем, а знаки гласных добавляются в виде надписных и подписных знаков. Тем самым в графике отмечаются семантическая важность согласных и дополнительный характер (с точки зрения этой важности) гласных (индийская система графики помимо пробелов в строке допускает еще одно средство графического членения речи – лигатуры). Поскольку согласные знаки сочетаются со знаками гласных не в одной строке, а по вертикали, возникает как бы перемножение всех знаков гласных на все знаки согласных, тем самым вертикальное членение письменной речи по буквам – всегда слог (реальный или потенциальный). По этой причине индийскую графику называют иногда *слоговым письмом*. Таким образом, в индийском письме гласные и согласные – всегда не только 2 фонетические парадигмы, но и 2 графические парадигмы, расположенные на разных линиях. Отсюда на каждой из линий (основной и дополнительных) можно видеть свои синтагмы графем и звуков: синтагмы согласных и синтагмы гласных. Порядок алфавита согласных отражает различие звуков по способу и месту образования, а каждая буква в порядке алфавита читается с общим гласным. Поэтому индийская алфавитная традиция с самого начала обнаруживает, что «линия» речи фонетически делится на слоги и графически – на синтагмы и парадигмы графем, отражающих синтагмы и парадигмы фонем в системе языка. Такая структура индийского письма делала чрезвычайно удобными представление орфоэпических правил и лингвистический анализ. Индийская культурная языковая традиция отличается еще одной чертой. В ней ясно разделены 2 независимые линии: линия собственно ведической традиции, или санскрита, и линия разных отклонений от Вед, каждой из которых соответствует особая разновидность литературного языка – литературный пракрит. Так, для ведической традиции языком является санскрит, для буддийской – язык пали. Ведическая традиция сохраняет в себе все мифологические представления индийцев, канонизирует их, сводит в систему и на этой основе устраивает правовые, имущественные и этические нормативы. Поскольку текст сакрализован, понятие о правильности текста в ведической традиции может употребляться почти как синоним понятия сакральности текста. На этой основе развивается индийская грамматическая традиция. Грамматическая традиция индийцев весьма богата. Началом этой традиции считается грамматический трактат, созданный Панини. План содержания санскрита, по мысли древних индийцев, должен был быть определен каноническими сочинениями о разных видах деятельности – сакральной, практической, юридической и т. д. Совокупность таких текстов исчерпывающим образом определяет правильное поведение члена общества, позволяет ему найти свое место в мире и «упорядочить себя». Лингвистический трактат Панини, таким образом, органически входит в культуру Индии и является ее существеннейшим этическим элементом. Логические трактаты индийцев в отличие от трактатов греков отделены от лингвистического канона. Силлогистика у индийцев не получила такого развития, как у греков. Философская интерпретация познавательных функций языка по большей части сводится к интерпретациям отношений предложения и слова. Этимологические проблемы, так же как и вопросы происхождения языка, не занимают заметного места в индийской традиции. Традиция индийской логики интересна прежде всего тем, что она исследует все возможные правильные суждения, составленные из одних и тех же понятий. Такой способ анализа правильности суждений напоминает исчисление всех трансформаций одного суждения, при котором любое суждение эквивалентно другому с точки зрения логического содержания. Соответственно этому взгляду определяется и природа слова. С точки зрения индийского философа *Бхартихари*, слово не есть физическая реальность (поскольку слово участвует в разных предложениях и обуславливает тождество их логического содержания), а есть особая «духовная» сущность. Слово есть некоторый абстрактный инвариант, который тождествен сам себе в разных своих физических реализациях. Таким образом, индийская культура вырабатывает наиболее строгий лингвистический подход к языку. Ей свойственно ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности. Эти особенности индийской традиции сочетаются с имплицитно заключенной в них идеей ограниченности текстов в правильном языке.

13. ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Древнейшие иероглифические словари, не дошедшие до наших дней, появились почти одновременно с первыми александрийскими грамматиками в III – II вв. до н. э. Первый полный словарь «*Шо вэнь цзе цзы*» («*Об элементах и сложных знаках*»), содержащий также и классификацию иероглифов, создал китайский языковед Сюй Шэнь в начале II в. н. э. Это был первый в мире большой толковый словарь. Китайская культура была (и во многом остается до сих пор) прежде всего письменной. Именно иероглифика объединяла китайцев, говорящих на разных диалектах, в один народ. Сложная иероглифическая письменность, требовавшая длительного обучения, вызывала к себе глубокое почтение. Истинным считалось лишь то, что записано. Напротив, индийцы презирали письменные знаки, а греки и римляне писали свои сочинения, почти не обращая внимания на сами письменные знаки (в европейской традиции буква рассматривалась, по выражению русского языковеда и поэта XVIII в. Василия Кирилловича Тредиаковского, как «*тень звука*»). Только для постороннего наблюдателя каждый иероглиф представляется цельной «картинкой»; на самом деле иероглифы (кроме самых простых) состоят из отдельных «блоков» и имеют свою структуру, а «блоки» - из множества повторяющихся элементов-черт, которых всего 7. Как выделяются черты, можно видеть из задачи. Все эти «блоки» и черты были выделены Сюй Шэнем. Такой анализ дал возможность разработать порядок расположения иероглифов в словаре. Если в европейских словарях принят алфавитный порядок, то в китайских иероглифы со времен Сюй Шэня помещаются в зависимости от выделяемых в их составе компонентов. Например, в иероглифах *пруд*, *пот*, *болото*, *река* и многих других выделяется общая часть со значением *вода*; все иероглифы такого типа сгруппированы в словаре вместе и упорядочены по степени сложности. Многие иероглифы делятся на 2 части, одна из которых указывает на значение. Таких общих для группы иероглифов элементов – ключей – выделено 213. Большинство из них имеет некоторое значение и все имеют номер (например, элемент «*вода*» имеет номер 85). Запомнив все 213 ключей и их номера, можно найти в словаре любой иероглиф. Китайский язык значительно отличается по своему строю от санскрита, греческого или латыни. В нем нет склонения, спряжения – а значит, нет нужды формулировать сложные грамматические правила. Поэтому жанр грамматики в Китае так и не сложился (первая грамматика китайского языка появилась лишь в конце XIX в. под европейским влиянием). Зато в Китае очень важным государственным делом стало составление словарей. В Индии словари играли вспомогательную роль по сравнению с грамматиками, а в Европе вплоть до XVI – XVII вв. были только толковые словари непонятных слов из старинных текстов. В Китае же требовались словари, включавшие в себя многие десятки тысяч иероглифов. Грамматические элементы китайского языка (сходные с нашими предлогами или частицами) именовали «пустыми словами» и также описывали в словарях. Существовали даже специальные словари «пустых слов». Новый этап развития китайской традиции начался во II – III вв. Чтобы слагать стихи, нужно было знать, как рифмовать. Иероглиф соответствует слогу, рифмовались слоги, содержавшие одинаковый гласный и одинаковую конечную часть после гласного (если она имелась): *гэ – цзэ*, *кан – ман*, *гуань – юань* и т. д. Чтобы составить словарь рифм, слог надо было разделить на 2 части. Позже, в VIII – X вв., появились таблицы, где иероглиф как бы разрезался: по горизонтали группировались иероглифы с одинаковой начальной частью, а по вертикали – с одинаковой конечной. Именно благодаря этим таблицам позже удалось восстановить фонетику древнего китайского языка. Китайская традиция была не столь консервативна, как индийская, но развивалась гораздо медленнее европейской. Составлялись все новые и новые словари и таблицы, но ничего принципиально нового в Китае после X в. не было создано вплоть до знакомства с европейским языкознанием в XIX

14. ПОНЯТИЕ «АНТИЧНОСТЬ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Слово *античность* может быть понято и понимается различным образом. В западной историографии, в том числе европейской, а точнее говоря, вне востоковедения слово *античность* чаще всего обозначает мир греко-латинской цивилизации. Во втором, широком смысле слова под античностью понимается время становления письменностей, создания письменных памятников, определяющих основные региональные черты первых цивилизаций, время формирования отдельных видов искусств — музыки, живописи, танца, архитектуры, скульптуры и т. д.; время образования государств и социально-классовой дифференциации обществ; время профессионального разделения труда; время формирования идеологий, характерной особенностью которых являются этические системы, кодифицирующие внеродовые и внеплеменные отношения людей; время создания античной философии и религии. Концом античности в духовной культуре можно считать перенос античных цивилизаций на другую почву (например, распространение христианства на Северную и Восточную Европу, распространение буддизма в Китае и т. д.), после чего начинается время средней истории культуры. Ясно, что хронологические рамки такого деления (как абсолютные, так и относительные) очень подвижны. Однако несомненно и другое: различия этих этапов в истории мировой культуры никто как будто не отрицает.

15. ТЕОРИЯ ИМЕНОВАНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Античная философия в теории именований дает краткую систематизацию правил построения языка, созданных еще в мифологии. Теория именований – одна из самых важных частей в античной философии. При этом следует отметить, что в любой культурной традиции (китайской, индийской или греко-латинской) теория именований в принципе одна и та же как по своему назначению, так и по своим результатам. Если грамматическое искусство в разных традициях сильно различается, то смысл теории именований, напротив, однороден. Можно думать, что единство теории именования в какой-то мере вызвано структурным сходством разных мифологий. Общий смысл теории именований – «орудийность» имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Конфуций кратко формулирует этот принцип так: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть сделано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело сделается». Слово *речь* в современных языках обозначает процесс говорения, но в Античности процесс говорения был связан прямой ассоциацией, во-первых, с процессом абстрактного суждения, во-вторых, с фактом поведения, и, что самое главное, речь обнаруживала намерение совершить действие или указывала прямо на переход к действию. *Речь* всегда есть что-то, что имеет несколько принудительный для слушающего и абстрактно-мыслительный для говорящего смысл. Вот почему слова *имя* и *речь* не могут произноситься произвольно, так как они всегда вызывают к жизни то или иное действие или отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям. Словесная магия, свойственная мифологическому мышлению, облакает эти слова смыслом активного действующего начала. Исходя из этого, смысл слова *дело* есть прежде всего само действие с реальным или воображенным предметом. Это действие всегда имеет тот или иной результат, некоторое становление чего-то или всего сущего. Это ставшее сущее может касаться всего: ремесел, сакральной деятельности, административной деятельности, деятельности познавательной, отношения людей к природе и между собой. Отсюда видно, что слово есть ведущее начало, образующее разумное вообще: и в смысле мирового разума («всемирного ума», или логоса), и в смысле разумности отдельного человека. Разумность человека, рожденная от слова, постигающего мир и объясняющего этот мир человеку, позволяет приобрести разного рода познания по хозяйству и технике, по космогонии и астрологии, по земледелию, сакральному поведению и этике. Эти познания лежат в основе деятельности людей, образуют из людей общество, т. е. общность людей, связанных между собой отношениями родства и социальной иерархии, с одной стороны, и производственных процессов – с другой. Вот почему слово, будучи всеобъединяющим началом, требует к себе особенно внимательного отношения. Слово нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится порядок в обществе. Поэтому слово (имя и речь) должно быть верным по существу и исходить из принципа, именуемого по-китайски «ли». *Ли* означает любое правило; правила поведения, этикета, церемониала, а также всякое правильное и разумное начало в любой конкретной деятельности. Исполнение *ли* означает верное поведение, правильность поступков и справедливость решений. Само *ли* является воплощением справедливости и правильности, т. е. человеческого совершенства. Таким образом, смысл теории именований состоит в том, чтобы уметь устанавливать гармоническую целесообразность общества и мировой порядок одновременно. Описанные здесь общие черты конфуцианской философии имен являются общими и для древнеиндийской и греческой философии, которые в иных терминах, но примерно с тем же смыслом устанавливали миротворческую роль слова в гносеологии, этике и производстве, т. е. в равной мере придерживались идеи логоса. Проблема правильности имен становится одной из ведущих и в средневековой философии, где она занимает пограничное положение между средневековой гносеологией и грамматикой и является фундаментом, на основании которого вырабатываются принципы грамматического описания

16. КРУПНЕЙШИЕ ФИЛОСОФЫ АНТИЧНОСТИ – О ПРИРОДЕ НАЗВАНИЙ

Античная философия в теории именований дает краткую систематизацию правил построения языка, созданных еще в мифологии. Теория именований – одна из самых важных частей в античной философии. При этом следует отметить, что в любой культурной традиции (китайской, индийской или греко-латинской) теория именований в принципе одна и та же как по своему назначению, так и по своим результатам. Теория именования имела своей главной задачей дать правильное имя. Крупнейшие философы принимали участие в споре о природе вещи. Одна из точек зрения такова: *«Слова изначально истинны»* (Гераклит). Демокрит (460 – 370 гг. до н. э.) выступает очень яростно против природной связи между словом и вещью. Все вещи обозначаются словами. Прямой характер связи должен оспариваться:

- в языке есть омонимы и многозначные слова;
- в языке очень много синонимов;
- в языке есть возможность переименовать вещь;
- в мире нет названий для очень многих предметов и явлений.

Идеи о природе названий изложена в диалоге Платона *«Кратил»*. Действующие лица диалога высказывают следующие точки зрения: *«У всякого существующего предмета или явления есть правильное имя, данное ему природой»* (Кратил), *«Правильность имени может иметь место только по соглашению»* (Гермоген), *«Слово состоит из звуков, и с начала слова между звуками существует внутренняя связь»* (Сократ). Теория именования может быть классифицирована на основные составные части: общее сопоставление имени и вещи; установление человеком соотношения имени и вещи; изображение, которое лежит в основе соотношения имени и вещи. Теория позволяет произвести самую общую классификацию слов по

17. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

Грамматическое искусство Античности формулирует свои задачи довольно неопределенным образом. В этих формулировках отражается недостаточная определенность предмета грамматики. Грамматическое искусство фактически сводится к умению читать и понимать прочитанное. В задачи грамматического искусства входит также установление норм литературной речи. Александриец Диомед пишет: *«У грамматики 2 части: одна называется экзегетикой, другая – ористикой. Экзегетика – изъяснительная часть, которая касается чтения; ористика – определительная, которая указывает наставления; разделы ее – части речи, достоинства и недостатки стиля»*. Таким образом, грамматика является нормирующей дисциплиной, обеспечивающей правильность литературной речи. Важной частью античного языкознания являются своды слов – словари, которые здесь специально описываться не будут. Словари создавались различные, что зависело от характера языка и уровня развития культуры. Сначала словари создаются как тематические и энциклопедические, а затем формируется собственно лингвистический тип словаря (толковый). Одновременно составляются глоссарии, фактически представляющие собой своды контекстов слов, взятые по важнейшим источникам. Бывают глоссарии, где перечисляются типичные контексты употребления слов либо некоторые особые контексты, представляющие собой особые употребления слов. В зависимости от характера письменности словарь играет разную роль в античном учении о языке. Для языков с иероглифической письменностью грамматическое учение о письменности и письменных знаках дается в составе словаря. Это объясняется тем, что иероглиф записывает слово или морфему и перечень письменных знаков есть перечень слов или морфем. Для языков с фонетической письменностью словарь не может быть единственным пособием. Поэтому необходимо отдельное учение, которое опосредует связь алфавита и его фонетической интерпретации со словарем. Это отдельное учение, названное греками грамматикой, есть предтеча научной грамматики с ее классами слов, предложений и морфем, выведенных через отношение синтагм и парадигм. Все античные системы грамматического искусства отличаются тем, что они не содержат запрещающих правил, а содержат только рекомендуемые правила. Античное грамматическое искусство в целом предназначено для создания «нового» языка. Новый язык создается из элементов существующего. Элементами существующего языка являются звуки, морфемы или слова. Несмотря на то что грамматика претендует только на упорядочение пользования графическим языком, слово фактически становится в центре системы. Интерпретация слова производится в плане выражения через графемы, а в плане содержания – через сочетания слов. Античная грамматика дает самостоятельную, новую систему языка. Эта система языка фактически представляет собой систему слов графического языка. Она связана со звуковой речью особым образом. Слово определяется как имеющий значение знак, в котором связь между значением и графическим символом характеризуется тем, что она условна, немотивирована, дана как член перечисления, предопределена традицией системы. Таким образом, *письменная речь обладает всем необходимым для того, чтобы расти и расширяться независимо от устной речи*. Система графического языка благодаря своему устройству может расширять и изменять границы устного языка, образуя литературный язык. Поэтому между устным и письменным языками через участников акта коммуникации осуществляются следующие отношения: умеющий говорить не может читать и понимать написанное, умеющий читать и понимать написанное может также и говорить. Устный язык интерпретирует систему письменного, письменный же язык развертывает и расширяет тексты устного. В каждом из 3 культурных центров (в Китае, Индии и Средиземноморье) есть свои специфические условия культурного развития, породившие различия в формировании лингвистических традиций.

18. АРИСТОТЕЛЬ И ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ

История языкознания связывает становление грамматического искусства в греко-латинском мире с именем *Аристотеля*. Будучи учеником Платона, Аристотель по-новому отнесся к языку как к предмету (отдельному) исследования. Если Платон в теории именовании занимается становлением речевой деятельности, то Аристотель рассматривает язык как проявление сложившейся системы деятельности. Слово, по Аристотелю, само по себе не может быть ни истинным, ни ложным (оно есть просто знак, символ представления). Этим как бы снимается главный предмет исследования Платона – правильность имен. Истина и ложь, по Аристотелю, заключены в построении соединений слов. *«Имена же сами по себе и глаголы подобны мысли без соединения или разъединения, например «человек» или «белое», пока ничего не прибавляется; такое слово не ложно и не истинно, хотя и обозначает нечто...»*. Ибо, как отмечает Аристотель, *«истина и ложь состоят в соединении и разъединении»*. Из этих посылок в равной степени развиваются лингвистическое знание и логическое знание, что подтверждается развитием науки. Так, если заняться изучением «соединения» и «разъединения» слов, исследуемых под углом зрения лжи и истины, то будет формироваться логика; если же заняться исследованием слов самих по себе, без отнесенности ко лжи и истине, то получится грамматическое искусство. Как известно, Аристотель развил логическое учение. Грамматическое искусство он рассмотрел лишь в той мере, в которой это было необходимо для построения логики. Для логики, как минимум, нужны 2 вещи: отождествление словоупотреблений, выражающих одно и то же понятие, и классификация употреблений слов. Первое представляет собой выведение инварианта слова, где учитывается такое варьирование материала речи, при котором одни и те же психологические представления и понятия остаются неизменными в процессе рассуждения. Классификация употреблений слов – это установление у них общих значений, по которым слова соединяются и образуют правильные или неправильные с точки зрения логики суждения. В соответствии с этим была развита терминология. Варианты слов получили название *«надежи»*, а классификация употребления слов привела к выделению имени и глагола. Описание языка, данное Аристотелем, есть начальный этап построения лингвистической системы. Это начальное описание достаточно для логики. С тех пор логика фактически довольствуется им, строя свои формальные системы, и не обращается к более детализированной разработке системы языка.

19. РАСЦВЕТ АНТИЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ПЕРИОД

Расцвет античной лингвистической традиции связан с деятельностью крупнейших представителей *александрийской грамматической школы*. В нее входили Дионисий Фракиец, Асклепиад из Мирлеи, Харет, Деметрий Хлор, Дионисий Галикарнасский и другие ученые, которые создали разные, но близкие друг к другу грамматические системы греческого языка. Каждая из этих систем внесла определенный вклад в грамматическое искусство. Они отличаются друг от друга степенью подробности, философского обоснования и эмпирических данных. В качестве примера сообщим основные данные об одной из александрийских грамматик – грамматике *Дионисия Фракийца*. Определяя назначение грамматики, Дионисий пишет: *«Грамматика есть осведомленность в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков»*. С точки зрения современных представлений это значит, что грамматика есть знание системы языка, т.е. того общего, что связывает между собой разные тексты. Формулировка Дионисия как будто представляет собой определение филологии, но в приложении к своей грамматике он пишет следующее: *«Искусство есть система приемов, усвоенных для какой-нибудь полезной в жизни цели. В искусствах 2 разновидности. Одни из них – логические, другие – практические; логические – например, грамматика, риторика, философия; практические – например, строительное, кузнечное и сходные с ними»*. Звуки речи рассматриваются у Дионисия по отдельности, а также в связи с изменениями, которые они претерпевают в синтагмах звуков, составляющих слова. Дионисий рассматривает также изменения звучания слов в процессах словообразования и словоизменения. Звуки речи называются по названиям букв, представляющих эти звуки. Как видно из изложенного, классификация Дионисия отличается от классификации звуков в *«Поэтике»* Аристотеля, где описания звуков речи даются одновременно по артикуляционным и акустическим признакам. Такое же описание, как у Дионисия Фракийца, можно найти, например, у Дионисия Галикарнасского. Лингвистическая классификация звуков у Дионисия Фракийца построена с учетом мест, занимаемых звуками в словах и слогах, она отражает парадигмы звуков. Далее Дионисий Фракиец объясняет фонетическое значение ударения, а также семантическое и фонетическое значение знаков препинания. Всякая часть речи обладает *«акциденциями»*, т.е. признаками, под которыми понимается то, что сейчас принято называть частными категориями – как лексико-грамматическими, так и собственно грамматическими. Дионисий отмечает: *«Акциденций у имени 5: роды, виды, образы, числа, падежи»*. Чтобы понять, как построены акциденции, рассмотрим акциденции имени:

- *Родов 3: мужской, женский, средний. Некоторые присоединяют к ним еще 2 других – общий и совместный;*
- *Видов 2: первичный и производный... Видов производных имен 7: отчество, притяжательное, сравнительное, превосходное, ласкательное, отыменное, глагольное;*
- *Отчество... то, что образовано от имени отца... и от имени предков...*
- *Притяжательное... то, что находится во владении... Гекторова рубашка...;*
- *Сравнительное имя есть то, что включает в себе сравнение одного с одним же однородным, как Ахилл храбрее Эанта...;*
- *Превосходное имя – то, что принимается в смысле усиления одного над многими при сравнении;*
- *Ласкательное – выражающее безотносительно уменьшение первичного имени, например человек;*
- *Отыменное – созданное от имени...;*
- *Глагольное – выведенное из глагола...*

Таким образом, вид – это изменение имени, связанное с его отношением к другому слову в целой системе языка. Дионисий Фракиец дает еще одно истолкование вида. Видом имен фактически называются частные лексико-грамматические категории имен. Этим видов много: собственное, нарицательное, прилагательное, равноименное, соименное, двуименное, наименное (4 последних – разные виды омонимии), племенное, вопросительное, неопределенное, относительное, распределяемое (4 последних представляют собой классификацию, соответствующую местоимениям в современных грамматиках), объемлющее (наше собирательное), родовое, видовое, порядковое, количественное (последние 2 виде отмечают деление, свойственное нашим числительным), абсолютно присущее (наши относительные прилагательные). Так же описаны и прочие 6 частей речи. Это показывает, что александрийская грамматика создала практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики. Сравнивая термины александрийской грамматики с современной научной грамматической терминологией, легко убедиться в том, что современная терминология восходит к александрийской системе. С другой стороны, современная научная грамматика менее четко прослеживает этимологическую связь между звуко-буквенным обликом слова и его значением, лексическим и грамматическим, считая это делом уже не грамматики, а особых наук – этимологии, орфографии и орфоэпии.

20. ТРАКТОВКА ПРИНЦИПОВ «АНОМАЛИИ» И «АНАЛОГИИ» В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА (ТРУДЫ М. ВАРРОНА)

Центральным вопросом лингвистической теории стало описание системы языка, наиболее адекватное разным текстам.

При этом в методах решения этого вопроса наметились 2 сосуществующие тенденции:

- описываются формы языка так, чтобы они отражали «обычай» их применения (т.е. по возможности все характерные для разных диалектов и сфер использования языка употребления слов и форм);
- описываются формы языка так, чтобы они отражали законы построения правильной речи и указывали бы этим на неправильности употребления слов и форм, исходя из некоторых принципов.

Первый подход получил название *принципа аномалии*, второй – *принципа аналогии*. Основным вопросом при этом является установление отдельности и тождества слов как инвариантных единиц языка, проводимое как разграничение отношений словоизменения и словообразования. Латинский грамматик Марк Теренций Варрон пытается примирить сторонников этих направлений: *«Аналогия рождается всегда из некоторого обихода, и из того же обихода рождается и аномалия; раз обиход охватывает сходные и несходные слова, то не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию»*. Итак, к описанию языка предъявляются следующие требования:

- как можно меньше инвариантов каждого уровня;
- как можно больше вариантов этих инвариантов, выведенных по определенным правилам;
- правила образования вариантов должны быть минимальными и простыми.

Далее Варрон доказывает плодотворность своего подхода. Он классифицирует слова по «способности к склонению» и «типам склонения». Тонко различает, говоря современными терминами, словопроизводство и словоизменение и выделяет детально разработанную серию категорий словопроизводства, описываемую как правильное развитие семантики слов через изменение их форм. Автор обращается к проблеме аналогии и аномалии и замечает, что «склонение», т.е. изменение и производство слов, может быть «естественным» и «произвольным»: *«Произвольное – это такое, когда каждый склоняет как ему вздумалось... Естественным склонением я называю такое, которое возникает не от воли отдельных людей, а от общего согласия»*. И далее: *«Нередко совпадает и то, и другое – и в произвольном склонении бывает заметна естественность, и в естественном произвол... Что касается того, что в каждом из 2 склонений одни случаи бывают сходны, а другие несходны, то об этом греки и латиняне написали много книг: одни думали, что в речи нужно следовать тем словам, которые подобным образом склонены от подобных, и называли это аналогией; другие думали, что этим нужно пренебречь и скорее следовать несходству, вошедшему в обиход, которое они называли аномалией. Между тем, как я полагаю, нам нужно следовать тому и другому, потому что в произвольном склонении преобладает аномалия, а в естественном – аналогия»*. Таким образом, противоположенность «естественного» и «произвольного» есть противоположенность регулярных и предписанных правилами языковых форм формам, построенным не по правилу, а, так сказать, по капризу употребления. «Произвольное» в языковых формах опирается на случаи обихода, а «естественное» - на общие законы построения систем вообще, например систем происхождения.

21. КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ ГРАММАТИКИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Больших успехов в грамматическом искусстве греко-латинского культурного мира достигла *александрийская школа* (т.е. ученые из города Александрии в Египте). В нее входили Дионисий Фракийец, Асклепиад из Мирлеи, Харет, Деметрий Хлор, Дионисий Галикарнасский и другие ученые, которые создали разные, но близкие друг к другу грамматические системы греческого языка. Каждая из этих систем внесла определенный вклад в грамматическое искусство. Они отличаются друг от друга степенью подробности, философского обоснования и эмпирических данных. В качестве примера сообщим основные данные об одной из александрийских грамматик – грамматике *Дионисия Фракийца*. Определяя назначение грамматики, Дионисий пишет: *«Грамматика есть осведомленность в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков»*. С точки зрения современных представлений это значит, что грамматика есть знание системы языка, т.е. того общего, что связывает между собой разные тексты. Формулировка Дионисия как будто представляет собой определение филологии, но в приложении к своей грамматике он пишет следующее: *«Искусство есть система приемов, усвоенных для какой-нибудь полезной в жизни цели. В искусствах 2 разновидности. Одни из них – логические, другие – практические; логические – например, грамматика, риторика, философия; практические – например, строительное, кузнечное и сходные с ними»*. Звуки речи рассматриваются у Дионисия по отдельности, а также в связи с изменениями, которые они претерпевают в синтагмах звуков, составляющих слова. Дионисий рассматривает также изменения звучания слов в процессах словообразования и словоизменения. Звуки речи называются по названиям букв, представляющих эти звуки. Как видно из изложенного, классификация Дионисия отличается от классификации звуков в *«Поэтике»* Аристотеля, где описания звуков речи даются одновременно по артикуляционным и акустическим признакам. Такое же описание, как у Дионисия Фракийца, можно найти, например, у Дионисия Галикарнасского. Лингвистическая классификация звуков у Дионисия Фракийца построена с учетом мест, занимаемых звуками в словах и слогах, она отражает парадигмы звуков. Далее Дионисий Фракийец объясняет фонетическое значение ударения, а также семантическое и фонетическое значение знаков препинания. Всякая часть речи обладает *«акциденциями»*, т.е. признаками, под которыми понимается то, что сейчас принято называть частными категориями – как лексико-грамматическими, так и собственно грамматическими. Дионисий отмечает: *«Акциденций у имени 5: роды, виды, образы, числа, надежи»*. Чтобы понять, как построены акциденции, рассмотрим акциденции имени:

- *Родов 3: мужской, женский, средний. Некоторые присоединяют к ним еще 2 других – общий и совместный;*
- *Видов 2: первичный и производный... Видов производных имен 7: отчество, притяжательное, сравнительное, превосходное, ласкательное, отыменное, глагольное;*
- *Отчество... то, что образовано от имени отца... и от имени предков...*
- *Притяжательное... то, что находится во владении... Гекторова рубашка...;*
- *Сравнительное имя есть то, что включает в себе сравнение одного с одним же однородным, как Ахилл храбрее Эанта...;*
- *Превосходное имя – то, что принимается в смысле усиления одного над многими при сравнении;*
- *Ласкательное – выражающее безотносительно уменьшение первичного имени, например человек;*
- *Отыменное – созданное от имени...;*
- *Глагольное – выведенное из глагола...*

Таким образом, вид – это изменение имени, связанное с его отношением к другому слову в целой системе языка. Дионисий Фракийец дает еще одно истолкование вида. Видом имен фактически называются частные лексико-грамматические категории имен. Этих видов много: собственное, нарицательное, прилагательное, равноименное, соименное, двуименное, наименное (4 последних – разные виды омонимии), племенное, вопросительное, неопределенное, относительное, распределяемое (4 последних представляют собой классификацию, соответствующую местоимениям в современных грамматиках), объемлющее (наше собирательное), родовое, видовое, порядковое, количественное (последние 2 виде отмечают деление, свойственное нашим числительным), абсолютно присущее (наши относительные прилагательные). Так же описаны и прочие 6 частей речи. Это показывает, что александрийская грамматика создала практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики. Сравнивая термины александрийской грамматики с современной научной грамматической терминологией, легко убедиться в том, что современная терминология восходит к александрийской системе. С другой стороны, современная научная грамматика менее четко прослеживает этимологическую связь между звуко-буквенным обликом слова и его значением, лексическим и грамматическим, считая это делом уже не грамматики, а особых наук – этимологии, орфографии и орфоэпии.

22. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ В ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Греко-латинская грамматическая традиция в споре об аналогии и аномалии исследовала ряд источников правильности.

При этом правильность понимается в 2 смыслах: как формирование грамматического текста и как употребление форм языка в общественно-языковой практике. Было обращено внимание на следующие 4 источника формирования грамматических правил:

- обращение к авторитетным текстам, общезначимым для всего греко-латинского мира;
- обращение к языковым формам, наиболее широко представленным в разных диалектах;
- обращение к эстетическому чувству создателя грамматических правил, творящего по своему разумению образцовую речь на латинском и греческом языках;
- применение принципа аналогии, являющегося в данном случае выведением одних форм из других в соответствии с требованиями экономности речи, правильности и совершенства выражаемой речью мысли.

Все 4 источника не применяются как абсолютные, ибо они нередко противоречат друг другу. Источники пользуются каждый по согласованию с другим и в зависимости от представления об общем совершенстве создаваемой таким образом грамматической системы. Это общее совершенство грамматической системы вытекает из воли и представления автора грамматики, но основывается на прецедентах совершенной речи. Совершенство речи определяется как авторитетностью источника, так и соображениями автора грамматики. Таким образом, господствует принцип: отобрать все самое совершенное в общественно-речевой практике и сделать это достоянием всеобщего речевого обихода, противопоставляя тем самым правильный язык диалектам и просторечию. Изложенное показывает, что, несмотря на четкие различия в понимании грамматической правильности в разных традициях, существуют важные общие черты.

- Грамматическая правильность отделяет литературную правильную речь от неправильной. Под правильной речью фактически понимается общезначимая письменная речь, не зависящая от диалектов и просторечий. Правильность этой общезначимой письменной речи сформулирована грамматическим руководством;
- Источник правильности общезначимой письменной речи понимается двояко: как общие принципы построения системы языка, данные грамматическому искусству извне (то ли в виде канона, как в Китае, то ли в виде сакрального характера речи, как в Индии, то ли в виде эстетического совершенства речи, как в греко-латинском мире); как наблюдение над текстами, освященными авторитетом, причем последнее требование либо необязательно (Панини), либо соединено с понятием общего принципа развития мысли («Эрья»), либо применяется как серия компромиссов, подчиненных общему принципу;
- Создание грамматически правильной литературной речи либо исходит из мировоззренческого содержания образцового текста, взятого для наблюдения то ли в сакральной практике (как в Индии), то ли в государственной идеологии (как в Китае), либо исходит из нужд познания и общения (как в греко-латинском мире).

Эти общие черты в понимании грамматической правильности формируют общие принципы грамматического искусства античности

23. АНТИЧНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА (ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ)

Все имеющиеся гипотезы о происхождении языка умозрительны. Они основываются на одном из 3 постулатов: либо язык получен от высших сил, либо древние люди вели себя так, как вели бы себя наши современники, если бы почему-то не имели языка, либо язык возник у человечества таким же образом, каким он появляется у каждого отдельного человека. Древнейшие представления о происхождении языка, так или иначе, основаны на идее получения людьми языка от каких-то высших сил. Во всех религиозных концепциях язык, по крайней мере в главных своих чертах, неизменен и появляется сразу таким, каким он существует сейчас. Религиозные концепции происхождения языка отражают при всей их наивности один реальный факт: человеческий язык – особый дар, и в природе ничего сходного нет. «Языки» животных слишком непохожи на него. Первые сомнения в божественном происхождении языка (как и в божественном устройстве мира вообще) появились в античном мире. Тогда же и были высказаны многие концепции происхождения языка. В XVII – XVIII вв. стали возрождаться античные концепции. Творение языка уже рассматривалось как дело человеческое. К XVIII в. окончательно стало ясно, что языки меняются, что не все языки мира существуют изначально, что одни языки произошли от других. Самыми популярными были 3 концепции. 1^я из них – звукоподражательная. Язык возник из подражания звукам природы. Аргументом в пользу этой идеи считается наличие едва ли не в любом языке звукоподражательной лексики вроде русских *кукушка*, *хрюкать*, *гавкать* и т. д. Однако звукоподражательная теория вызвала сомнения уже в античности. Как из звукоподражаний можно получить другую, бóльшую часть слов, неясно. Другая концепция получила название концепции «общественного договора». Одним из первых ее выдвинул греческий ученый I в. до н. э. Диодор Сицилийский. Римский ученый I в. до н. э. Витрувий в своем знаменитом трактате «10 книг об архитектуре» писал, что язык появился тогда, когда люди собрались возле порожденного молнией огня: *«Так как на этом сборище людей раздавались различные, производимые дыханием голоса, то под воздействием ежедневного навыка люди установили слова, какие пришлось, и затем, обозначив часто употребляемые вещи, начали, как это получилось самопроизвольно, говорить и так создали между собой речь»*. В XVIII в. аналогичные идеи выдвинул знаменитый французский философ Жан-Жак Руссо, которому принадлежит и само выражение «общественный договор». Поддержал эту концепцию в том же XVIII в. основатель политической экономии англичанин Адам Смит. Руссо и Смит считали, что первобытные люди когда-то договорились между собой о том, как пользоваться языком. Язык был изобретен сознательно, а затем люди объединили свои усилия, и сложились единые правила пользования им. Авторы таких идей ориентировались прежде всего на то, как в современную им эпоху решался вопрос о норме языка. Ученые и целые учреждения вроде Французской академии тогда спорили и договаривались о том, что включать в норму «правильного» литературного языка, а что нет; находили компромиссы. Тогда предпринимались и первые попытки создать от начала и до конца целый язык, который мог бы стать международным (позже так появился язык эсперанто). Однако ясно, что все это возможно, лишь если человек уже владеет каким-то языком. Концепция «общественного договора» ставила человека, уже обладающего достаточно высокой культурой, на место человека, который языка не имел. 3^я концепция, столь же умозрительная, но, пожалуй, наименее фантастическая, состоит в том, что человеческий язык произошел не от звуков, воспринимаемых извне, а от звуков, произносимых самими людьми. Любой человек может производить бессознательные и нечленораздельные выкрики, выражающие те или иные эмоции. Некоторые элементы языка вроде междометий похожи на нечто промежуточное между такими выкриками и речью. Эта концепция тоже зародилась в античности. Позже эту концепцию развили английский философ конца XVII в. Джон Локк и французский ученый XVIII в. Этьен Бонно де Кондильяк. По их мнению, люди вначале издавали лишь бессознательные звуки, а затем постепенно научились контролировать их произнесение. Параллельно с контролем над языком развивался и контроль над умственными операциями. Большое место отводилось языку жестов. Считалось, что первобытные люди лишь дополняли звуками жестикуляцию, а затем постепенно перешли на звуковую речь. Идеи Локка и де Кондильяка были важнейшим шагом вперед по сравнению с концепцией «общественного договора»: формирование языка теперь связывалось с развитием человеческого мышления. Становление языка рассматривалось не как единовременный акт, а как исторический процесс, занимавший длительное время и имевший этапы. Тем самым эта концепция была в наибольшей степени противопоставлена традиционной библейской. Однако и новая точка зрения не подтверждалась никакими фактами. В XVIII и в 1^й половине XIX в. был предложен новый критерий, казавшийся объективным: среди человеческих языков есть более развитые и более «примитивные», стоящие ближе к первобытному языку. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности. Эти идеи развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему происхождения языка.

24. ЯЗЫКОЗНАНИЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. 2 СФЕРЫ ЯЗЫКОВ В ИСТОРИИ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

История Средних Веков являет собой процесс длительный и неоднородный. В нем обнаруживаются 3 этапа:

- этап становления феодализма, одновременно знаменовавший собою закатную фазу рабовладельческого мира;
- этап консолидации и расцвета феодального строя;
- этап заката феодализма, в котором, в свою очередь, выделяется период, получивший в европейской историографии наименование Возрождения (возрождения творческой мысли, сопровождавшегося живым интересом к иным культурам, и прежде всего к древним цивилизациям).

Применительно к Европе эти этапы датируются соответственно: **III – V вв., VI – X вв., XI – XVI вв.** Средние века вызвали к жизни новые «молодые» народы, окончательно разрушили схему старых мифологических концепций, создали и подготовили почву для последующего развития новых цивилизаций. Конечно, первые несколько веков, последовавших за падением Античности, - это время развития в первую очередь тех форм культуры, которые обеспечивали прочность нового общества. Естественно, что в этот период происходит процесс переоценки духовных ценностей древности. Средние века, рассматриваемые во всемирном масштабе, являют нам то, чего не знал античный мир – распространение мировых религий: буддизма в Восточной, Центральной и отчасти Средней Азии, ислама с Средней и Передней Азии и в Северной Африке, христианства в Европе и отчасти в Передней и Средней Азии. Буддизм и христианство зародились и получили свое развитие еще в древнем мире, но только в период Средневековья они превратились в религии мирового масштаба. С разрушением античных государственных объединений и переходом общества к новому экономическому, политическому, религиозному и нравственно-этическому состоянию, новое положение возникает не только в области культуры, но и в области языковой деятельности – как в общественно-языковой практике, так и в теории языка. Выделяются 2 ареала языков, а именно:

- ареал языков канонических и классических (все они – языки древних цивилизаций), осознанных и интерпретированных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «правильные»;
- ареал языков «варварских», или «вульгарных» (все они – языки бесписьменные или новописьменные), осознанных в общественно-языковой практике и теории языка как языки «неправильные».

В целях более эффективного проникновения в новые общества соответствующего религиозного и нравственно-этического канона в орбиту новых культурно-религиозных и нравственно-этического канона в орбиту новых культурно-религиозных образований вовлекались и «неправильные» языки. Для целого ряда «неправильных» языков создается письменность, в результате чего возникают условия для осуществления переводов на них канонических текстов. Этот процесс идет медленно и неравномерно в различных ареалах, но он начинается уже в раннем Средневековье: в III – IV вв. канонические тексты «освоили» готский и коптский языки (коптский – позднейшая форма египетского языка), в V в. – армянский, а в VII – IX вв. – ирландский, древнеанглийский, древневерхненемецкий, старославянский (IX в.). Для распространения в обществе канонических текстов на «правильных» языках требуются большие усилия: во-первых, из-за стихийного развития канонического языка, во-вторых, из-за того, что язык канонических текстов не является родным для большинства людей, составляющих общество, а для тех членов общества, которые им пользуются, он является дополнительным, вторичным образованием.

25. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ГЛАВНЫЕ ЗАДАЧИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вопросы языка, как известно, были предметом достаточно активного обсуждения в филолого-грамматических трактатах рассматриваемого периода, отражая потребности общественно-языковой практики и философской мысли. В сфере теории языка средневековые ученые восприняли отчасти ту языковую проблематику, которая была характерна для античной логики и философии. В филологии и грамматике работа велась в рамках нормализаторской деятельности в области распространения соответствующих канонических языков. Главная задача теории языка в этих условиях заключалась в преодолении стихийно обнаруживающейся тенденции к дифференциации текстов канонического языка, в согласовании нового письменного текста со старым письменным текстом в пределах соответствующего канонического языка, в устранении расхождений, возникающих в различных школах писцов. Усилия ученых были направлены не только на канонизацию старых текстов, но и на создание правил построения новых текстов. Для этой цели из античных лингвистических традиций заимствуются грамматика, поэтика, риторика и логика. Они также становятся предметом школьного схоластического преподавания. Результатом этого процесса стала канонизация грамматики, поэтики, риторики и логики, воспринятых из античных теорий языка. Риторика входила в качестве неотъемлемой части аппарата аргументирования в теологических спорах, грамматика же и логика рассматривались лишь как средства достижения этого искусства. Ученые Средневековья были далеки от изучения языка как такового. Сущность схоластики – подчинение всех наук теологии. Даже философия занимала подчиненное по отношению к теологии положение. С точки зрения существования языка Средние века характеризуются 2 важнейшими чертами:

- распространением в цивилизованном мире различных религиозных текстов, сопровождающихся толкованием, комментированием, унификацией и канонизацией содержания важнейших текстов, составляющих основу канона (таких, как Библия, Коран, конфуцианские и даосские классические сочинения, индийские тексты и т. д.) – эти тексты ставятся во главу угла всей системы знаний и составляют идеологический фундамент общества;
- расширением территории, на которой существуют письменные языки, включением в эти территории ряда мест, где уже существуют и развиваются местные языки – отсюда формирование особых видов билингвизма, имеющего свои специфические черты в каждом ареале культуры.

26. ДВЕ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАНОНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Существование языка в Средние века обуславливает некоторые особые качества его исследования и описания. Это проявляется в том, что намечаются как бы 2 линии исследований языка. Одна линия представлена филологическо-философскими исследованиями. Целью этих исследований является уяснение содержания канонических сочинений и их интерпретация, а также приложение содержания этих текстов к новым знаниям и новым жизненным ситуациям. На этой почве развивается как анализ содержания канонических источников – *герменевтика* (китайский термин «чжэньи»), так и анализ возникновения и жизни канонических текстов, исследующих подлинность и условия создания памятников, – *экзегетика* (китайский термин «сюньгу»). Герменевтика и экзегетика обе, но с разных сторон исследовали канонические тексты. Экзегетика интересовалась историей текстов и событий, описанных в текстах, герменевтика – правильностью мысли, содержащейся в текстах, и правильностью суждений – изводов текстов для принятия тех или иных оценок и решений в практической деятельности. Экзегетика и герменевтика послужили основой для филологии, текстологии, палеографии, эпиграфики, критики текста и других наук о языковом тексте.

27. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии, и в особом построении системы, делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной. Арабский распространяется как язык сакральных текстов. *Халиф Осман* (годы правления 644 – 656) осуществил акт сакрализации Корана и предпринял попытку его размножения. При этом оказалось, что текст Корана требует для правильного прочтения дальнейших истолкований, в частности филологических. Предание гласит, что 10 лет спустя халиф *Али*, зять Мухаммеда, поручил ученому *Абу-л-Асваду* заняться изысканиями в области лингвистики, чтобы обосновать верное прочтение текста и тем самым положить начало его герменевтической интерпретации. Али и предложил главенствующий принцип систематики арабской грамматики, указав на основные классы слов: имя, глагол, частица. Так или иначе лингвистическая интерпретация арабского канонического языка стала делом не только социально необходимым и политически важным, но и в известном смысле – освященным авторитетом религии. К 796 г. уже был создан труд Сибавейхи. Этот труд, получивший впоследствии наименование «*ал-Китаб*» («*Книга*»), и составил фактически основание грамматической системы арабов. Складываются 2 грамматические школы. Одна из них находилась в городе Басре, к ней принадлежал Сибавейхи, а другая – в городе Куфе, и потому школы назывались соответственно *басрийской* (*басрской*) и *куфийской* (*куфской*), а филологи, работавшие в этих школах, – *басрийцы* (*басрцы*) и *куфийцы* (*куфцы*). Соперничество школ касалось важнейших вопросов нормирования и описания системы арабского языка и складывалось как спор по существу фактов, а не терминов. Расхождения в основном носили не философско-богословский, а нормализаторско-грамматический характер и касались главным образом способа формулирования правил грамматики. В богословско-философском плане спор в исламском мире шел по преимуществу о проблеме происхождения языка. При этом здесь достаточно четко можно выделить 3 точки зрения: язык сообщен Богом Адаму; язык возник на основе соглашения между старцами-патриархами, родоначальниками человечества; язык сообщен Богом Адаму в основных немногих частях, но далее он развит людьми. Общие принципы анализа и описания, предложенные обеими школами, заключались в том, что система языка рассматривалась с 3 точек зрения и выделялись 3 области описания: *нахв* – учение о восхождении (развертывании, наращении), *сарф* – учение об изменениях, и *таджвид* – учение о произношении харфов (звуков). Дискуссия же между грамматическими школами велась в основном вокруг чисто грамматических вопросов, таких как: что брать за исходную глагольную форму при словопроизводстве – глагол в 1 лице настоящего времени единственного числа мужского рода (куфийская точка зрения) или масдар – форму, лишенную значения добавочных грамматических категорий (басрийская точка зрения). Такое различие в точках зрения связано с проблемой отношений синтаксиса предложения и словообразования и затрагивает центр описания системы языка. Таким образом, отличие куфийской системы от басрийской в том, что по-разному понимается основная единица грамматики. Басрийцы считают основной единицей грамматики слово, а куфийцы – предикативное словосочетание. Трактую эти вопросы, имеющие мало общего с теорией происхождения языка, спорящие стороны не избегали и богословской интерпретации. Однако более существенными аргументами все же считались мнения арабов-информантов из племени Хиджаза, откуда вышел Мухаммед. Создавая норматив канонического арабского языка, обе школы фактически прибегали к исследованию устной (разговорной) практики. Считалось важным естественное обогащение знанием устного языка, поэтому филологи из обеих школ не только исследовали речь информантов, но и подолгу жили среди арабских племен Хиджаза и Йемена, родственных курейшитах, из которых происходил Мухаммед. «*Книга*» Сибавейхи как бы подводит конец спорам между школами, создав наиболее авторитетный норматив языка.

28. ОСНОВАТЕЛИ АРАБСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СУЩНОСТЬ ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии, и в особом построении системы, делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной. Арабский распространяется как язык сакральных текстов. Задача арабского языкознания – установление норм классического арабского языка (без живых диалектов). Арабское языкознание получает свое начало в арабской словесности. Один из основателей – *Аль-Халиль ибн Ахмет* (718 – 791). В системе метрического стихосложения описываются факты морфологического строения арабского языка. Аль-Халиль ибн Ахмет составил «*Книгу Айна*» - первый словарь. Слова там были расположены в артикуляторном порядке – по значению корневых согласных. Ученик Аль-Халиля ибн Ахмета, Сибавейхи, написал собственный труд. Этот труд, получивший впоследствии наименование «*ал-Китаб*» («*Книга*»), и составил фактически основание грамматической системы арабов. Сибавейхи выделяет в нем учение о словоизменении имени и глагола, дает детальное учение о словообразовании и и систему фонетических возможных изменений в арабском языке. Складываются 2 грамматические школы. Одна из них находилась в городе Басре, к ней принадлежал Сибавейхи, а другая – в городе Куфе, и потому школы назывались соответственно *басрийской* (*басрской*) и *куфийской* (*куфской*), а филологи, работавшие в этих школах, - *басрийцы* (*басрцы*) и *куфийцы* (*куфцы*). У куфийцев основателем школы считают *Абу Джафара Мухаммеда ибн ал-Хасана ибн Аби-Сара ар-Руаси*. Основателем басрийской школы, пожалуй, следует назвать *Абу Амра Ису ибн Умара ас-Сакафи*. Соперничество школ касалось важнейших вопросов нормирования и описания системы арабского языка и складывалось как спор по существу фактов, а не терминов. Расхождения в основном носили не философско-богословский, а нормализаторско-грамматический характер и касались главным образом способа формулирования правил грамматики. В богословско-философском плане спор в исламском мире шел по преимуществу о проблеме происхождения языка. При этом здесь достаточно четко можно выделить 3 точки зрения: язык сообщен Богом Адаму; язык возник на основе соглашения между старцами-патриархами, родоначальниками человечества; язык сообщен Богом Адаму в основных немногих частях, но далее он развит людьми. Общие принципы анализа и описания, предложенные обеими школами, заключались в том, что система языка рассматривалась с 3 точек зрения и выделялись 3 области описания: *нахв* – учение о восхождении (развертывании, наращении), *сарф* – учение об изменениях, и *таджвид* – учение о произношении харфов (звуков). Дискуссия же между грамматическими школами велась в основном вокруг чисто грамматических вопросов, таких как: что брать за исходную глагольную форму при словопроизводстве – глагол в 1 лице настоящего времени единственного числа мужского рода (*куфийская* точка зрения) или *масдар* – форму, лишенную значения добавочных грамматических категорий (*басрийская* точка зрения). Такое различие в точках зрения связано с проблемой отношений синтаксиса предложения и словообразования и затрагивает центр описания системы языка. Таким образом, отличие куфийской системы от басрийской в том, что по-разному понимается основная единица грамматики. Басрийцы считают основной единицей грамматики слово, а куфийцы – предикативное словосочетание. Трактую эти вопросы, имеющие мало общего с теорией происхождения языка, спорящие стороны не избегали и богословской интерпретации. Однако более существенными аргументами все же считались мнения арабов-информантов из племени Хиджаза, откуда вышел Мухаммед. Создавая норматив канонического арабского языка, обе школы фактически прибегали к исследованию устной (разговорной) практики. Считалось важным естественное обогащение знанием устного языка, поэтому филологи из обеих школ не только исследовали речь информантов, но и подолгу жили среди арабских племен Хиджаза и Йемена, родственных курайшитам, из которых происходил Мухаммед. «*Книга*» Сибавейхи как бы подводит конец спорам между школами, создав наиболее авторитетный норматив языка.

29. ДВЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ В ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В VIII – IX ВЕКАХ

Грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии, и в особом построении системы, делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной. Арабский распространяется как язык сакральных текстов. *Халиф Осман* (годы правления 644 – 656) осуществил акт сакрализации Корана и предпринял попытку его размножения. При этом оказалось, что текст Корана требует для правильного прочтения дальнейших истолкований, в частности филологических. Предание гласит, что 10 лет спустя халиф *Али*, зять Мухаммеда, поручил ученому *Абу-л-Асваду* заняться изысканиями в области лингвистики, чтобы обосновать верное прочтение текста и тем самым положить начало его герменевтической интерпретации. Али и предложил главенствующий принцип систематики арабской грамматики, указав на основные классы слов: имя, глагол, частица. Так или иначе лингвистическая интерпретация арабского канонического языка стала делом не только социально необходимым и политически важным, но и в известном смысле – освященным авторитетом религии. К 796 г. уже был создан труд Сибавейхи. Этот труд, получивший впоследствии наименование «*ал-Китаб*» («*Книга*»), и составил фактически основание грамматической системы арабов. Складываются 2 грамматические школы. Одна из них находилась в городе Басре, к ней принадлежал Сибавейхи, а другая – в городе Куфе, и потому школы назывались соответственно *басрийской* (*басрской*) и *куфийской* (*куфской*), а филологи, работавшие в этих школах, – *басрийцы* (*басрцы*) и *куфийцы* (*куфцы*). Соперничество школ касалось важнейших вопросов нормирования и описания системы арабского языка и складывалось как спор по существу фактов, а не терминов. Расхождения в основном носили не философско-богословский, а нормализаторско-грамматический характер и касались главным образом способа формулирования правил грамматики. В богословско-философском плане спор в исламском мире шел по преимуществу о проблеме происхождения языка. При этом здесь достаточно четко можно выделить 3 точки зрения: язык сообщен Богом Адаму; язык возник на основе соглашения между старцами-патриархами, родоначальниками человечества; язык сообщен Богом Адаму в основных немногих частях, но далее он развит людьми. Общие принципы анализа и описания, предложенные обеими школами, заключались в том, что система языка рассматривалась с 3 точек зрения и выделялись 3 области описания: *нахв* – учение о восхождении (развертывании, наращении), *сарф* – учение об изменениях, и *таджвид* – учение о произношении харфов (звуков). Дискуссия же между грамматическими школами велась в основном вокруг чисто грамматических вопросов, таких как: что брать за исходную глагольную форму при словопроизводстве – глагол в 1 лице настоящего времени единственного числа мужского рода (куфийская точка зрения) или *масдар* – форму, лишенную значения добавочных грамматических категорий (басрийская точка зрения). Такое различие в точках зрения связано с проблемой отношений синтаксиса предложения и словообразования и затрагивает центр описания системы языка. Таким образом, отличие куфийской системы от басрийской в том, что по-разному понимается основная единица грамматики. Басрийцы считают основной единицей грамматики слово, а куфийцы – предикативное словосочетание. Трактую эти вопросы, имеющие мало общего с теорией происхождения языка, спорящие стороны не избегали и богословской интерпретации. Однако более существенными аргументами все же считались мнения арабов-информантов из племени Хиджаза, откуда вышел Мухаммед. Создавая норматив канонического арабского языка, обе школы фактически прибегали к исследованию устной (разговорной) практики. Считалось важным естественное обогащение знанием устного языка, поэтому филологи из обеих школ не только исследовали речь информантов, но и подолгу жили среди арабских племен Хиджаза и Йемена, родственных курейшитах, из которых происходил Мухаммед. «*Книга*» Сибавейхи как бы подводит конец спорам между школами, создав наиболее авторитетный норматив языка.

30. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЯЗЫКОВЕДОВ В АРАБСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НА ПРОБЛЕМУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Грамматическое искусство арабов составляет новое слово в средневековом грамматическом искусстве. Это новое заключается и в специфической терминологии, и в особом построении системы, делающих всю традицию арабской грамматики оригинальной. Арабский распространяется как язык сакральных текстов. *Халиф Осман* (годы правления 644 – 656) осуществил акт сакрализации Корана и предпринял попытку его размножения. При этом оказалось, что текст Корана требует для правильного прочтения дальнейших истолкований, в частности филологических. Предание гласит, что 10 лет спустя халиф *Али*, зять Мухаммеда, поручил ученому *Абу-л-Асваду* заняться изысканиями в области лингвистики, чтобы обосновать верное прочтение текста и тем самым положить начало его герменевтической интерпретации. Али и предложил главенствующий принцип систематики арабской грамматики, указав на основные классы слов: имя, глагол, частица. Так или иначе лингвистическая интерпретация арабского канонического языка стала делом не только социально необходимым и политически важным, но и в известном смысле – освященным авторитетом религии. К 796 г. уже был создан труд Сибавейхи. Этот труд, получивший впоследствии наименование «*ал-Китаб*» («*Книга*»), и составил фактически основание грамматической системы арабов. Складываются 2 грамматические школы. Одна из них находилась в городе Басре, к ней принадлежал Сибавейхи, а другая – в городе Куфе, и потому школы назывались соответственно *басрийской* (*басрской*) и *куфийской* (*куфской*), а филологи, работавшие в этих школах, – *басрийцы* (*басрцы*) и *куфийцы* (*куфцы*). Соперничество школ касалось важнейших вопросов нормирования и описания системы арабского языка и складывалось как спор по существу фактов, а не терминов. Расхождения в основном носили не философско-богословский, а нормализаторско-грамматический характер и касались главным образом способа формулирования правил грамматики. В богословско-философском плане спор в исламском мире шел по преимуществу о проблеме происхождения языка. При этом здесь достаточно четко можно выделить 3 точки зрения: язык сообщен Богом Адаму; язык возник на основе соглашения между старцами-патриархами, родоначальниками человечества; язык сообщен Богом Адаму в основных немногих частях, но далее он развит людьми. Дискуссия же между грамматическими школами велась в основном вокруг чисто грамматических вопросов, таких как: что брать за исходную глагольную форму при словопроизводстве – глагол в 1 лице настоящего времени единственного числа мужского рода (*куфийская* точка зрения) или *масдар* – форму, лишенную значения добавочных грамматических категорий (*басрийская* точка зрения). Такое различие в точках зрения связано с проблемой отношений синтаксиса предложения и словообразования и затрагивает центр описания системы языка. Трактую эти вопросы, имеющие мало общего с теорией происхождения языка, спорящие стороны не избегали и богословской интерпретации. Однако более существенными аргументами все же считались мнения арабов-информантов из племени Хиджаза, откуда вышел Мухаммед. Создавая норматив канонического арабского языка, обе школы фактически прибегали к исследованию устной (разговорной) практики. Считалось важным естественное обогащение знанием устного языка, поэтому филологи из обеих школ не только исследовали речь информантов, но и подолгу жили среди арабских племен Хиджаза и Йемена, родственных курайшитам, из которых происходил Мухаммед. «*Книга*» Сибавейхи как бы подводит конец спорам между школами, создав наиболее авторитетный норматив языка.

31. ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ (О ПРИРОДЕ НАЗВАНИЯ)

Проблема правильности имен становится одной из ведущих и в средневековой философии, где она занимает пограничное положение между средневековой гносеологией и грамматикой и является фундаментом, на основании которого вырабатываются принципы грамматического описания. Основная дискуссия происходит между 2 философскими направлениями: *номинализм* и *реализм*. Номиналисты считали понятия лишь именами. В противоположность реализму, они утверждали, что реально существуют только отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Общие понятия, создаваемые нашим мышлением об этих вещах, не только не существуют независимо от вещей, но даже не отражают их свойств и качеств. Номиналисты не учитывали, что общие понятия отражают реальные качества объективно существующих вещей и что единичные вещи не отделены от общего, а содержат его в себе. Виднейшими номиналистами в XI – XIV вв. были *Росцелин*, *Оккам*. Реалисты же считали, что общие понятия (универсалии) имеют реальное существование и предшествуют существованию единичных вещей. В споре о природе универсалий французский философ и теолог Пьер Абеляр стремился преодолеть взгляды своих учителей: крайний номинализм Росцелина и крайний реализм Гильома и Шампо. Абеляр – основоположник гносеологической доктрины умеренного номинализма, которую впоследствии стали

32. СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Существование языка в Средние века обуславливает некоторые особые качества его исследования и описания. Это проявляется в том, что намечаются как бы 2 линии исследований языка. Одна линия представлена филологическо-философскими исследованиями. Целью этих исследований является уяснение содержания канонических сочинений и их интерпретация, а также приложение содержания этих текстов к новым знаниям и новым жизненным ситуациям. На этой почве развивается как анализ содержания канонических источников – *герменевтика* (китайский термин «чжэньи»), так и анализ возникновения и жизни канонических текстов, исследующих подлинность и условия создания памятников, – *экзегетика* (китайский термин «сюньгу»). Герменевтика и экзегетика обе, но с разных сторон исследовали канонические тексты. Экзегетика интересовалась историей текстов и событий, описанных в текстах, герменевтика – правильностью мысли, содержащейся в текстах, и правильностью суждений – изводов текстов для принятия тех или иных оценок и решений в практической деятельности. Экзегетика и герменевтика послужили основой для филологии, текстологии, палеографии, эпиграфики, критики текста и других наук о языковом тексте. Знания о текстах составляют, пожалуй, основное содержание знаний о языке в период Средних Веков. Исследование текстов дает материал для исследования и описания языковых систем. Китайцы считали философско-филологические исследования текстов «большой наукой» (*дасюэ*), тогда как описание системы языка и описание текстовых фрагментов считали «малой наукой» (*сяосюэ*), носящей методический характер. Эта «малая наука», составляющий вторую линию в описании языка, в разных культурных ареалах имеет свои отличительные черты. Различия, по-видимому, вызваны характером языкового бытования канона в этих ареалах. Так, в Китае возникают как бы 2 стиля одного китайского языка. Один стиль – *вэньянь* – продолжает конфуцианско-даосскую традицию канонических текстов. Другой стиль – *байхуа* – возникает как перевод буддийской литературы на китайский язык. Эти стили содержат 2 четко различающиеся языковые нормы и отличаются один от другого правилами синтаксического построения предложений и использования грамматических частиц, систематикой лексических знаний и особыми подсистемами лексики. Объединение этих стилей в один язык можно объяснить, скорее всего, особенностями лингвистической системы. Нормирование китайского литературного языка через словарь позволяло объединять в словарях обе нормы и не составлять разных руководств для каждой из норм, представляя их как определенные функциональные стили. В греко-латинской традиции 2 канонических языка – греческий и латинский – оказались связанными с делением христианской церкви на западную и восточную. Различие в языках и интерпретациях канонических текстов западной и восточной церквями разделило прежде единой в своих идеях лингвистическое нормирование каждого из языков. Тесная связь языка с идеологическими и политическими движениями дает пеструю и сложную картину существования его в Средние века. Существование языка в Средние века – малоизученная область языкознания. Тем более трудно описать грамматическое искусство того времени. Лингвистическое наследие Средних Веков характеризуется 3 наиболее общими теоретическими движениями:

- применением принципов описания системы языка, выработанных в Античности, к описанию систем новых языков в части грамматики и фонетики;
- обширными лексикологическими и этимологическими исследованиями, связанными с толкованием канонических текстов и описанием контекстных употреблений слов;
- философско-лингвистическими изысканиями в области онтологии языка (философскими и философско-теологическими трактатами).

Лексикологические исследования по своему содержанию более или менее однотипны. В Европе, на исламском Востоке, в Индии и Китае такие работы строятся по одному плану: рассматривается перечень слов некоторого языка и каждое слово комментируется в своем значении. Комментирование слов производится не только путем указания их значений, но и путем подбора контекстов их употребления в разных сочинениях. Для этой цели отбираются сочинения прозаические и поэтические, имеющие и наибольшую распространенность, и наибольший авторитет. Обилие контекстов и их избрание обнаруживает эрудицию автора работы, и, что очень важно, автор своим выбором источников указывает на значимость для культуры этих сочинений. Вот почему выдающиеся филологи этого времени нередко являются энциклопедически образованными людьми. Нередко им принадлежат сочинения по теологии, философии, математике и другим видам знания. Составление лексикологических работ в то время требовало глубокой осведомленности и эрудиции. Работы по фонетике и грамматике характеризуются следующей общей особенностью: раз созданная и утвердившаяся система описания продолжает функционировать многие годы (подчас сотни лет) обычно и в виде списков, т. е. рукописных копий, и в виде методических руководств-учебников, дающих сокращенный вариант созданной системы. Описание новых систем производится на основании опыта существующих описаний. Важнейшим достижением средневековых филологов являются новые графические системы. Каждый новый письменный язык получал новый алфавит. Китайские филологи наряду с развитием и совершенствованием своей иероглифической грамматики и словарного хозяйства создали особую фонологическую систему. Китайцы, тщательно разработав оригинальное фонетическое учение, в отличие от европейцев и индийцев отделили его от грамматики. Они поместили фонетику-фонологию на грани лексикографии и поэтики.

33. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В средневековый период значительное развитие получает *семантическая теория*. Средневековые ученые применяли весьма разработанное оперирование семантическими понятиями. Примечательно, что семантическая концепция Средневековья неявным образом исходила из примата синтаксических отношений в языке, обеспечивающих возможность выделения прочих отношений и единиц. И вместе с тем на протяжении всего Средневековья это не привело к более строгой систематизации выделяемых лингвистических категорий, к более строгому формальному описанию языка. В XI – XII вв., когда просвещенная часть европейского общества более широко ознакомилась с работами Аристотеля по логике и логика еще глубже проникла во все сферы мыслительной деятельности, в теории языка возникает своеобразное логическое направление – так называемая *логистическая грамматика*. Логистическая грамматика была воспринята многими как инструмент для разрешения многочисленных «запутанных» философских проблем, в том числе проблемы универсалий (поставленной еще в VI в. Боэцием, современником Присциана). Применительно к теории языка проблема универсалий формулировалась как проблема установления природы семантики универсальных, с точки зрения средневекового научного мира, терминов, которые обозначают человека и его свойства. В теории языка эта проблематика оказалась связанной частично с вопросами, возникающими в ходе рассмотрения слова в изолированном виде, с одной стороны, и в речевом контексте – с другой. Логико-философский подход к грамматике нашел свое наиболее яркое выражение в концепциях *Петра Абеляра* (1079 – 1142) и особенно *Раймунда Луллия* (1235 – 1315). Луллий выдвинул идею создания на базе латинского языка универсального философского языка, построенного так, чтобы элементы языка и их комбинации наиболее адекватно отражали механизм логического моделирования. Логистическое направление в средневековой теории языка предприняло попытку продвинуться в познании семантического аспекта языка. В этом отношении показательным является освещение вопросов семантики языка в логическом трактате «*Summulae Logicales*» *Петра Испанского*, архиепископа Брагского, под конец жизни – папы Иоанна XXI, известного специалиста своего времени в области логики, философии и медицины (умер в 1227 г.). Петр Испанский проводит различие логического и грамматического определений предложения. Он обращает внимание на важность изучения элементов языка в контексте тех комбинаций, в которых они реально выступают в речи. Это относится, например, к изучению частей речи. Он также показал в своем анализе софизма, что грамматически тождественные конструкции могут получить более чем одну интерпретацию в речевой коммуникации. Последователи семантической концепции Петра Испанского, получившие наименование *Modistae*, поскольку они занимались главным образом проблемой «модусов» значения (*modis significandi*), разрабатывали вопросы синтаксического значения частей речи на базе морфологического анализа. Они впервые подняли вопрос о соотношении и соответствии речевого выражения и мысли (отсюда истина и ложь – проблема психологического свойства), о соотношении и соответствии мысли и вещи (отсюда онтология истины, научного знания – проблема онтологического свойства). Из этих положений вытекает постановка вопроса о том объединении и разделении, которое осуществляет язык в обществе: объединение ведет через образование ко вторичному разделению в рамках единого языкового коллектива (профессионально- и социально-языковые группировки).

34. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА (XIV – XVI вв.)

К вопросам, поставленным перед теорией языка в этот период, относятся:

- решение проблемы создания национального языка и общеязыковой нормы;
- построение национальной грамматики;
- выработка графологических норм для соответствующих языков, т. е. решение проблемы адекватной графической (печатной) интерпретации устно-речевого текста;
- унификация орфоэпических норм;
- создание литературной нормы национального языка и решение проблем стилистики;
- этимологическое и историческое осмысление состава национального языка;
- обследование языкового состояния общества в целом (в границах государственных образований и в общемировом масштабе), сопровождающееся попытками установления взаимоотношений между языками, определяемых как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами. В сознании теоретиков языка XVI – XVIII вв. все эти проблемы были между собой связаны.

Технические достижения в развитии книгопечатания оказывают огромное и далеко идущее влияние на гуманитарные аспекты общественного развития, оказываются теснейшим образом связанными с преобразованием всего языкового облика общества. Появление тиражных текстов создает все условия для стандартизации обучения, для роста темпов языковой коммуникации, для удовлетворения потребности в распространении знаний, продиктованной бурно развившимся машинным производством, требовавшим все большего числа подготовленных людей. Конечно, «правильные», канонические языки, как, скажем, латынь (для Европы), в силу своей развитости, унифицированности, отработанности и использования на обширных территориях были прекрасным средством для быстрого распространения просвещения. Создаются письменные языки – стандартные, литературные – на национально-языковой базе. Каждый такой письменный язык утверждается теорией языка и общественно-языковой практикой в качестве нормы. Эта норма выступает как система графических (и типографских) знаков, с которой общество стремится согласовать всю языковую деятельность своих членов. Это языковое строительство идет под лозунгом «единство речи и письма», который, однако, действует совершенно иначе, чем прежде: движение теперь совершается от письменного языка к устному – через школу, грамматику, словари (орфоэпические, толковые, орфографические).

35. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ XVI ВЕКА

Технические достижения в развитии книгопечатания оказывают огромное и далеко идущее влияние на гуманитарные аспекты общественного развития, оказываются теснейшим образом связанными с преобразованием всего языкового облика общества. Появление тиражных текстов создает все условия для стандартизации обучения, для роста темпов языковой коммуникации, для удовлетворения потребности в распространении знаний, продиктованной бурно развившимся машинным производством, требовавшим все большего числа подготовленных людей. Конечно, «правильные», канонические языки, как, скажем, латынь (для Европы), в силу своей развитости, унифицированности, отработанности и использования на обширных территориях были прекрасным средством для быстрого распространения просвещения. С XVI в. в процесс развития теории языка оказалось включенным звено, которое сыграло весьма существенную роль как в области общественно-языковой практики (в сфере создания национальных языков), так и в области становления языкознания и, соответственно, самого предмета лингвистического описания. Это – проблема печатной интерпретации устно-речевого текста. От решения этой проблемы зависит то, насколько успешно удастся сделать легко обозримым все многообразие текстов мирового языка: письменного ли, устного ли – безразлично. В предмете лингвистического описания устный текст при необходимости получает для целей лингвистического анализа ту или иную графическую интерпретацию (это относится и к бесписьменным языкам). Таким образом, хотя практически многие языки и многообразные языковые типы были известны уже средневековым ученым, тем не менее лишь с распространением книгопечатания вся эта информация о многочисленных языках мира могла стать сопоставимой и действительно доступной научному знанию. Поэтому именно на рубеже XVI – XVII вв. открывается новая эра в лингвистике, зарождается новое языкознание. Письменный язык с развитием книгопечатания становится в целом более консервативным. Возрастает и его воздействие на устный язык. Таким образом, в распоряжении общества оказываются 3 языковые норма: устная, письменная и печатная. Это – новое усложнение языковых взаимоотношений внутри общества. Печатный язык постепенно занимает ведущее положение в целом ряде сфер языковой коммуникации. Печатная норма имеет несомненные преимущества по сравнению с письменной нормой. Печатный текст читается и понимается с меньшим усилием, а, следовательно, гораздо легче обозрим; информативная ценность печатного текста по сравнению с письменным текстом выступает более выпукло. Печатный язык в гораздо большей степени, чем письменный, оказывает на речевую

36. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВ СИСТЕМЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В новых исторических условиях, когда печатный станок открыл широкие возможности для ускорения темпов передачи информации и вовлечения все бóльших масс людей в сферу обучения, канонические языки уже не могли выступать как адекватное средство для достижения поставленных общественным развитием целей, в силу определенных политических, идеологических, экономических и этических условий их сосуществования с «неправильными», народными языками, а также в силу особенностей становления наций и развития национального самосознания. Поэтому общество направляет свои усилия на изменение «неправильных» языков, которое одновременно отвечало бы требованиям этой первой (в истории обращения с языком) «машинной переработки» речи. Подобное изменение языка – преобразование языкового поведения людей – осуществляется в процессе формирования национальных языков, процессе, целенаправленном и осознаваемом теорией языка и обществом в целом. Создаются письменные языки – стандартные, литературные – на национально-языковой базе. Каждый такой письменный язык утверждается теорией языка и общественно-языковой практикой в качестве нормы. Эта норма выступает как система графических (и типографских) знаков, с которой общество стремится согласовать всю языковую деятельность своих членов. Это языковое строительство идет под лозунгом «единство речи и письма», который, однако, действует совершенно иначе, чем прежде: движение теперь совершается от письменного языка к устному – через школу, грамматику, словари (орфоэпические, толковые, орфографические). В условиях диалектной пестроты внутри складывавшихся наций сделать это оказывается нелегко. Устный народный язык продолжает развиваться. Но стихийному развитию все более противостояла нормализаторская деятельность грамматистов, литераторов, салонов, академий и издательств. Под влиянием этих становившихся все более могущественными сил находилась и школа. Происходит длительный и трудный процесс выкристаллизации из всей совокупности письменных (письменно-печатных) текстов некоторого эталона письменного языка. Процесс становления языка-эталона привлекает к себе внимание значительной части общества. Обсуждаются, отбираются и отрабатываются элементы письменной нормы, на которую ориентируются отныне устная норма. Пересматривается весь инвентарь письменных знаков (графика), система соотношений между элементами письменной нормы и устной нормы (орфография). Обе эти нормы реализуются в письменных и устных текстах. Пересматривается также инвентарь устной нормы в части орфоэпической. Транспонирование письменной нормы в устную (произношение, орфоэпия) и устной нормы в письменную (правописание, орфография) происходит в одних коллективах легче, в других – труднее. Постепенно диалекты все более теряют свою самостоятельность. Большую работу были призваны проделать ученые в рамках образованных в XVI – XVIII вв. национальных академий. В 1587 г. была основана знаменитая Академия делла Круска, в 1635 г. – Французская академия, в 1783 г. – Академия Российская. Были изданы авторитетные труды, регулирующие письменную и устную общественно-языковую практику. Деятельное участие в работе по нормализации и развитию национальных языков наряду с учеными принимали и видные писатели. Как в практическом, так и в теоретическом отношении необычайно много сделали: для становления итальянского общенационального языка – *Данте Алигьери* (XIV в.), французского – *Жоашен Дюбелле*, *Пьер де Ронсар*, *Робер* и *Анри Этьен* и другие деятели Плеяды (30 – 80-е гг. XVI в.), английского (XVIII в.) – *Даниэль Дефо*, *Джон Драйден* и т. д., русского (конец XVIII в.) – *Гавриил Державин*, *Денис Фонвизин* и т. д. Актуальность утверждения национально-языкового узуса, выработки нового «правильного» языка диктовалась в значительной мере практикой развивающегося книгопечатания. Но не только. Не менее актуальны были эти вопросы и для культурных слоев общества в целом. Борьба с латынью в Западной Европе и с церковнославянским языком в России и некоторых других славянских культурно-языковых ареалах осознавалась прежде всего как проблема равенства канонических и народных языков. Все более настоятельным становится требование построения национальных грамматик. С этим, в свою очередь, был сопряжен вопрос о правильности, рациональности и обычае в языке, вопрос об обогащении национальных (народных) языков за счет языков наднациональных (канонических). Неясен был вопрос о возможностях и пределах заимствований из канонических языков, вопрос о путях и формах освоения, ассимиляции заимствований. С этим была связана и проблема создания литературного языка, непосредственно сопряженная с новой поэтикой. Все эти вопросы были поставлены самой общественно-языковой практикой и ею же стихийно разрешались – разными путями. Теория языка была призвана ликвидировать этот разнобой, найти рациональное, приемлемое с точки зрения науки и национального самосознания решение этих вопросов.